Канкан на поминках

Автор:
Дарья Донцова

Канкан на поминках

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #7

Боже! Такой ужас мне и в страшном сне не мог присниться! Нашего друга и соседа Володю Костина посадили в Бутырку по подозрению в убийстве любовницы! Да он в жизни бы женщину даже не ударил. Его друг и сослуживец Слава Рожков организовал мне встречу с Володей в тюрьме. Слава просил меня уговорить майора на чистосердечное признание – все улики были против него. Но тот не согласился. А через несколько дней Костин попал с инфарктом в тюремную больницу и там умер. Кроме того, в одной из газет в день его смерти вышла клеветническая статья «Мент позорный». Не будь я Евлампия Романова, если не восстановлю доброе имя майора, не найду истинного убийцу и не заставлю газету опубликовать опровержение…

Дарья Донцова

Канкан на поминках

Друга не надо просить ни о чем,

С ним не страшна беда,

Друг – это третье твое плечо,

Будет с тобой всегда.

Популярная песня 70-х годов.

Глава 1

Погоде, как и человеку, свойственны перепады настроения. Если утром вы, едва сдерживая слезы, ползете на службу, а в обеденный перерыв, радостная и счастливая, несетесь в ближайший магазин за новой кофточкой, то отчего на небе всегда должно быть солнце? Но нынешний сентябрь побил все рекорды. У природы просто приключился климакс. В восемь утра из огромных, угрожающе черных туч, мрачно нависших над Москвой, лил тропический ливень. За окно не хотелось даже смотреть. Я выгнала собачью свору во двор буквально пинками. Стаффордширская терьерица Рейчел, грустно глянув на хозяйку карими глазами с поволокой, побрела по лужам на детскую площадку. Там расположен «грибок», и хитрая Рейчел решила пописать с полным комфортом под навесом. Она только не учла, что идти до укрытия придется по холодным лужам. Двортерьер Рамик выскочил под дождь и понесся вдоль двора, разбрызгивая жидкую грязь. Рамику все равно, снег, град или камни сыпятся с неба, он в любом случае начнет бегать по газонам со счастливым лаем. А вот Муля и Ада, две толстенькие коротколапые мопсихи, повели себя по-иному. Сначала они просто сели у входа и даже не пошевелились, услыхав мои вопли:

– Гулять, ну, идите гулять!..

А когда я попыталась вытолкнуть их жирные туши на улицу силой, они легли и расслабились. Поднять-то с пола два десятикилограммовых тельца с полностью размякшими мышцами очень трудно. Да еще стоило подхватить Мулю, как Ада падала на коврик, а подняв Аду, я роняла Мулю…

Наконец, собрав все силы, я сумела вытолкать наглую Адку под струи воды, повернулась к Муле и обнаружила, что та, не растерявшись, предпочла налить лужу на коврике, внутри сухого и теплого подъезда. Выбросив половик наружу, я пригрозила Муле кулаком:

– Ну, погоди!

Но мопсиха довольно ухмыльнулась, понимая, что ее теперь не выпихнут под ливень.

Одевшись потеплей в кожаную черную куртку, джинсы и кроссовки, я поехала на работу. Но когда ровно в девять вышла из подземки на улицу, солнце шпарило вовсю, а небо радовало глаз яркой голубизной и полным отсутствием облаков. Как такой пердюмонокль мог приключиться за один час!

Чувствуя, как по спине бегут струйки пота, я добралась до знакомых дверей и нырнула в нутро подвала.

По образованию я, Евлампия Романова, арфистка, в свое время закончила Московскую консерваторию, пыталась концертировать, но никакого успеха не снискала. Я вышла замуж за довольно обеспеченного человека, Михаила Громова, и несколько лет тупо просидела дома… Потом случился фейерверк невероятных событий. Супруга арестовали, он оказался мошенником и убийцей, причем его очередной жертвой должна была стать я… Стоит ли говорить о том, что я мигом подала на развод? Сейчас живу вместе со своей ближайшей подругой Катюшей Романовой. Мы не родственники, просто однофамильцы. Катюша работает хирургом, год тому назад ее пригласили в США, куда она и отправилась вместе со своим старшим сыном Сергеем и его женой Юлей. Младший, Кирюшка, вместе со всей живностью: собаками, общим числом четыре штуки, кошками, их на одну меньше, всего три, и жабой Гертрудой – остался со мной. Вернее, сначала он отправился с Катюшей, но быстро разочаровался в американском образе жизни и вернулся домой.

– Одно скажу тебе, Лампа, – со вздохом сообщил Кирка, разложив чемодан, – хорошо у них там, всего полно, зарплата у матери громадная, только люди кругом сплошь идиоты. Про «Спартак» не слышали, в лапту не играют, и в восьмом классе деление в столбик проходят. Уроды, одним словом. Лучше уж при тебе побуду, покуда мамонька зарабатывает!

Я была рада его возвращению, своих детей у меня нет, поэтому старательно воспитываю тех, кого бог послал уже готовыми: Кирюшку и Лизу. И если с Кирюшкой вы уже разобрались, то объяснить, откуда в нашей семье появилась четырнадцатилетняя Лиза, достаточно сложно.

Все началось с визита на биржу труда. Дело в том, что подыскать мне работу оказалось практически невозможно. Дамы бальзаковского возраста, не обладающие никакими навыками, кроме весьма посредственного умения нащипывать арфу, не пользуются ажиотажным спросом на рынке труда. Видели бы вы, как вытянулись лица у сотрудников биржи, когда на вопрос:

– Ваше образование?

Они получили быстрый ответ:

– Московская консерватория по классу арфы.

Мне мигом предложили обучиться другой профессии. Только не в коня корм. Бухгалтера из меня не вышло, впрочем, это было ясно с самого начала. Всю жизнь, складывая семь и восемь, я получаю разный результат. Когда четырнадцать, когда шестнадцать, изредка восемнадцать. И парикмахера из меня не получилось, ножницы все время вываливались из рук, и в конце концов я проткнула ими себе ногу. Но самая сокрушительная неудача поджидала на ниве компьютерной техники. Я пошла на курсы, научилась включать и выключать машину, но, когда дело дошло до работы в системе «Ворд», экран мигом начинал покрываться «окнами» и зависать. Так я и не освоила компьютер.

Катюша вообще не хотела даже слышать о моей работе.

– Лампуша, – ласково щебетала она, – зачем тебе работа? Денег нам хватит. Сиди дома, готовь обед, веди хозяйство.

Самым честным образом я попробовала стать домашней хозяйкой. Варганила невероятные супы: буйабес, протертый крем из бычьих хвостов, луковый на гренках… Запекала мясо, лепила пироги и сооружала торты… Мне хватило года, чтобы понять: хуже домашнего рабства ничего нет. Только что вымытая посуда через час вновь оказывается грязной в мойке, выглаженные рубашки мигом мнутся, на тщательно отполированные книжные полки оседает пыль, а выпеченная кулебяка с мясом исчезает в мгновение ока, и вечером домашние издают недовольные гудки:

– Где еда? Лампа! Почему нет котлеток?!

И к тому же они все целыми днями пропадали на работе и в школе, а когда я носилась по квартире с пылесосом, шваброй и дрожжами, этого никто не видел. Зато вечером все наблюдали, как я, уютно устроившись в кресле, читала очередной детектив.

– Хорошо тебе, – вздыхала Юлечка, – никакого начальства! Слышь, Лампуша, сделай милость, пришей мне на кофточку пуговицы. Все равно целый день дома сидишь, ничего не делаешь!

Но искать работу меня заставило не только ощущение того, что я выгляжу в глазах у всех лентяйкой. Как-то очень дискомфортно было лазить в деревянную коробочку с видом Москвы на крышке, куда домашние засовывали заработанные рубли. И хотя тратила я их исключительно на хозяйственные нужды, стойкое ощущение того, что пользуюсь результатами чужого труда, не оставляло меня ни на минуту.

Поразмыслив немного, я взялась за поиски работы. Чего я только не делала! Служила в детективном агентстве, играла на свадьбах в составе «джазбанда» и даже нанялась домработницей в богатый дом писателя Кондрата Разумова. Именно в результате последнего занятия я и получила Лизу. Девочка – дочь Кондрата. Литератор был убит, а других родственников у Лизы не осталось. Девочку собрались отправить в детский дом. Мы с Катюшей не могли позволить, чтобы она оказалась в приюте… С большим трудом, при помощи ближайшего друга Володи Костина, работающего в милиции, мы оформили опеку над Лизаветой.

В домработницы я больше не нанималась, теперь работаю почти по профилю, преподаю музыку в клубе «Светлячок». Мои ученики – семилетние малыши, не посещающие детский сад или школу. Руководство клуба гордо именует эти занятия – «Эстетическое развитие ребенка дошкольного возраста». На самом деле мы минут пятнадцать ходим хороводом, потом поем про березку и зайчика и пытаемся выучить ноты. Может, я отвратительный педагог, а может, дети подобрались не слишком сообразительные, но коллектив прочно застрял на «фа», причем у меня подозрение, что «до», «ре» и «ми» они уже позабыли.

Отстучав на пианино положенное время, я вышла к родителям и принялась безудержно хвалить их детей.

Директор «Светлячка», хитрый Роман Ломов, в самую первую неделю моей работы, услыхав, как я сказала маме Олечки Носовой: «Ваша девочка не готова к уроку, она не выучила задание», зазвал меня в свой кабинет и сделал внушение:

– Дорогая Евлампия Андреевна, – ласково пел он, – у нас не школа, а частный клуб. Родители платят деньги за обучение, поэтому никаких критических слов в адрес их чадушек. Все они гениальны невероятно, просто Моцарты.

– Но как же, – начала я заикаться, – она не выучила.

Роман хмыкнул:

– В наши обязанности не входит заставлять детей зазубривать нотную грамоту!

– Да? – совершенно растерялась я. – Какая тогда у нас цель?

– Заработать себе на хлеб с сыром, – спокойно пояснил Ломов, – будете ругать ребят, родителям это не понравится, и денежки накроются. Компренэ?

– Ага, поняла, – ответила я и с тех пор заливаюсь соловьем после каждого занятия.

Лентяйка Носова, ни разу не раскрывшая дома тетрадь с нотами, полностью лишенный музыкального слуха Миша Горский, косолапый Сеня Мячиков, обладательница хриплого, простуженного баса и огромных аденоидов Лена Морозова – все они необыкновенно талантливы, трудолюбивы, умны, хороши собой, чудно поют, великолепно танцуют, а уж сольфеджио освоили как никто другой. Ничего, что только до «фа» добрались. Словом, Моцарты, Шостаковичи и Шнитке в одном флаконе.

– Ни разу не встречала таких детей! – закатываю я глаза перед вспотевшими от удовольствия мамами и бабушками. – Потрясающие личности!

Результат хитрой политики Романа налицо. В «Светлячок» косяком рвутся клиенты. Впрочем, говоря о потрясающих личностях, я не кривлю душой. Меня действительно потрясает, ну как можно петь простенькую песенку про елочку и постоянно попадать между нот? Иногда страстно хочется надрать уши лентяйке

Носовой или отшлепать Веню Комарова, когда он в момент исполнения хором тихой, камерной мелодии вдруг раскрывает огромный рот и начинает голосить на едином дыхании во всю мощь легких отлично откормленного ребенка:

– А-а-о-о-у-у…

И еще есть Петя Кочергин, стреляющий жеваной бумажкой, Лада Веснина, постоянно выдувающая пузыри из жвачки, и регулярно икающий Никита Сомов. Последний может еще шумно испортить воздух и громко заявить:

– Какать хочу!

Наверное, они просто очень маленькие, но, с другой стороны, я в семь лет уже посещала две школы, общеобразовательную и музыкальную, сидела по три часа за инструментом и никогда не жаловалась, как Оля Носова, подсовывающая мне к лицу измазанную ладошку:

– Пальчики устали, писать не буду!

Просто я не создана для работы учительницей, честно говоря, никакого умиления при виде группы я не испытываю. Держит меня в клубе только зарплата. За месяц работы Роман, искренне гордящийся тем, что у него служит дама с консерваторским образованием, выдает мне шесть тысяч рублей. Кстати, и на родителей сообщение о дипломе преподавательницы действует безотказно.

Оттарабанив положенное число минут, я вылезла наружу и увидела стену дождя. До метро добралась, промочив ноги и замерзнув. Но это были еще не все неприятности.

Сначала я очень долго рылась в сумке, разыскивая кошелек. Не найдя портмоне, кое-как упросила дежурную пропустить меня даром. В вагоне не нашлось свободного места, и я тряслась стоя, чувствуя, как начинает ныть поясница. Уже делая переход на «Тверскую», не заметила развязавшегося шнурка кроссовки, наступила на него и мигом упала прямо на ступеньки. Шедший сзади мужчина с огромной сумкой споткнулся и рухнул сверху, придавив меня своими ста килограммами. Колесо тележки проехалось по джинсам, и они мигом лопнули. В придачу открылась моя сумка, и все мелочи разлетелись по ступенькам. Я принялась ползать между ногами равнодушно шагающих людей и собирать

ключи, расчески, платок, детектив Поляковой, упаковку жвачки… Внезапно попался кошелек. Я уставилась на него во все глаза. А он откуда взялся? Только же перерыла всю сумку в поисках портмоне…

– Чего села, – завопила толстая баба с огромным пакетом, – пьяная? Или на жизнь просишь? А ну вали отсюда, люди торопятся!

Кое-как взобравшись по лестнице вверх, я подумала: «Неужели я похожа на нищенку?» Нет, просто противная тетка сказала гадость по привычке. На мне вполне приличная куртка цвета хаки, сделанная трудолюбивыми корейцами, и кроссовки, произведенные их же руками. Джинсы, правда, прикидываются американскими, и на коленке зияет прореха, но в остальном я выгляжу более чем прилично. Но тут мой взгляд наткнулся на тетку, подпиравшую стену. На руках попрошайки болезненным сном спал крохотный ребятенок, а ее грудь украшала табличка: «Люди добрые, памагите, кто сколько сможит рибенку на опирацию». На нищенке были точь-в-точь такая же куртка, как на мне, даже цвет совпадал, и очень похожие джинсы с кроссовками. Правда, брюки у нее, в отличие от моих, оказались целыми. Чувствуя себя униженной донельзя, я влезла в вагон, встала у двери, и все пассажиры мигом уставились на дырку, в которой сверкала голая коленка.

Потом у метро в ларьке кончился хлеб, а в вагончике с молочными продуктами говорливая продавщица всунула в мой пакет пачку масла, которая при ближайшем рассмотрении, хоть ее и украшала надпись «Анкор», оказалась непонятного производства и явно испорченная. Но я обнаружила обман только дома. Наверное, нужно было вернуться и устроить скандал, но, честно говоря, просто не хватило сил.

Однако цепь неприятностей на этом не закончилась. Решив сделать шарлотку – пирог, который способен испечь даже однорукий годовалый младенец, я разбила три яйца, вылила их в миску, а потом, случайно задев ее, опрокинула на пол. Желтая лужа разлилась по линолеуму, мои глаза наполнились слезами. Ну что за день такой! Вроде и не тринадцатое число, и не пятница… Естественно, больше в доме яиц не было, а предварительно нарезанные яблоки начали быстро темнеть.

Решив переломить злую судьбу, я сгоняла к соседке, притащила новые яйца, вмиг сделала тесто и запихнула пирог в духовку.

Маленькая победа над обстоятельствами меня окрылила, и я, слегка повеселев, включила телевизор. Но не успели начаться новости, как зазвонил телефон. Внезапно, непонятно отчего, у меня сжалось сердце. Аппарат трезвонил и трезвонил, я медлила. Наконец рука схватила трубку, и, прежде чем я произнесла «алло», в голове молнией пронеслась мысль: «Ох, не к добру!»

– Лампа, – послышался спокойный, ровный голос близкого друга, майора Костина, – некоторое время я вынужден буду отсутствовать, сделай милость, забери к себе Кешу.

Я расслабилась и устало улыбнулась. Ну и чушь лезет иногда в голову. Слава богу, это всего лишь Володя. С майором мы добрые приятели. Отношения, которые нас связывают, больше похожи на родственные. Не так давно Костин получил квартиру, до этого он благополучно проживал в огромной коммуналке. По счастью, его «воронья слободка» приглянулась какому-то «новому русскому», и он быстренько распихал ее обитателей по новостройкам. Володе досталась вполне приличная «двушка» с двенадцатиметровой кухней, но в спальном районе, одним словом, на краю света.

Катюша не растерялась и уговорила нашу соседку Лену, проживающую в однокомнатной квартире вместе с шестнадцатилетним сыном, на обмен. Так Володя попал в квартиру на одной лестничной клетке с нами.

Майор холостяк. Конечно, в его жизни частенько случаются дамы, но пока ни одной, способной взвалить на плечи ношу жены мента, он не нашел. Честно говоря, все его пассии нам с Катюшей не по душе. Сначала была тощенькая девица ростом с кошку, безостановочно повторявшая:

– Вовик, котик, дай чайку.

Или:

– Вовчик, зайчик, принеси плед.

Или:

– Вовчик, мышоночек, выключи телик.

Когда она обозвала Володю «страусеночком», я не выдержала и поинтересовалась:

– Простите, вы не в зоопарке работаете?

Дама обозлилась и больше к нам не приходила. Потом появилась весьма энергичная особа, невероятно похожая на актрису Джоди Фостер. Тот же большой рот, те же волосы пепельной блондинки и такой же нос. Девушка оказалась патологически ревнива и закатывала по каждому поводу скандалы с битьем посуды. Затем возникла другая обоже. Костина шатнуло в иную сторону. После неуемной скандалистки он привел к нам жеманное существо, работающее в музее. Невесть почему Кирюшка прозвал красотку «Оружейная палата» и старательно ел в ее присутствии только при помощи ножа и вилки. Но Володю такое поведение отчего-то обозлило до крайности, и, когда «Оружейная палата» исчезла из нашей жизни, майор сурово сказал:

– Ну все, надоело, больше ни с кем вас не знакомлю.

– Почему? – удивилась я.

– Вы так себя ведете, – кипятился приятель, – что все мои подруги пугаются.

– А что? Я ничего, – замычал Кирюшка, – очень даже воспитанный мальчик. Чем твоей «Оружейной палате» не приглянулся? Безумно старался, пользовался столовыми приборами…

– Да, – вздохнул Володя, – особенно эффектно выглядело, когда ты резал ножом на мелкие кусочки эклер, а потом при помощи вилки отправлял его в рот!

– На вас не угодишь, – вздохнул Кирюшка, – раз не понравилось хорошее воспитание, в следующий раз стану сморкаться в скатерть.

– Другого раза не будет, – сурово отрезал майор, – хватит, теперь приведу к вам человека, только если решу жениться. Вы мне всех девушек распугали.

Пока он держит слово.

– Конечно, возьму твоего попугая, – ответила я, – без проблем, а ты куда, в командировку?

Костин помолчал, потом безнадежно устало произнес:

– Нет, в тюрьму.

– Куда, – не поняла я, – на допрос к подследственному? Но зачем тогда мне забирать Кешу? Ты что, предполагаешь ночевать в СИЗО? Где же, интересно?

– В камере, – ответил Володя.

– Где, – оторопела я, – где?

– Меня арестовали, – пояснил майор.

Трубка чуть не упала на пол, и от ужаса у меня по спине побежали мурашки.

– Кончай прикалываться.

– Абсолютно серьезно, – вздохнул майор, – извини, больше не могу говорить. Звоню из кабинета в следственной части Бутырки.

– Погоди, погоди, – завопила я, – как же это? За что? Почему?

– Поговори со Славкой, – велел майор и отсоединился.

В полном ужасе я стала названивать, разыскивая майора Рожкова, коллегу и доброго знакомого Володи. Но ни на работе, ни дома никто не снимал трубку. Я металась по квартире, бесцельно хватая ненужные предметы. Господи, что делать-то, что?

– Эй, Лампуша, – донесся из прихожей голос Лизы, пришедшей из школы, – чего у нас так горелым несет? И из кухни дым валит!

Я понеслась к плите и обнаружила в духовке капитально сгоревшую шарлотку, похожую на кусок обугленной деревяшки. Слезы, так долго подкатывавшие сегодня к глазам, полились по щекам. Ужасно начавшийся день закончился кошмаром.

Глава 2

До Славы я дозвонилась только на следующее утро.

– Рожков, – мрачно буркнул он в трубку.

– Что случилось, – закричала я, – немедленно объясни!

– В полдень, на точке, – коротко ответил майор и моментально швырнул трубку.

Точкой он зовет крохотный кафетерий, расположенный в супермаркете «Дом еды».

Ровно в двенадцать дня я влетела в узкое пространство, заставленное круглыми столиками. У окна с сердитым видом стоял Славка. Перед ним дымился стакан с отвратительным растворимым напитком, по недоразумению носящим благородное имя кофе.

– Славка, – закричала я, кидаясь к нему, – что за чушь? Это правда?

Рожков кивнул. Я на секунду потеряла дар речи, потом пробормотала:

– Володю арестовали?

Майор вновь кивнул.

– Ты что, онемел?

– Онемеешь тут, – вздохнул Слава, – вообще язык потеряешь.

– За что его взяли?

Рожков повертел в руках картонный стаканчик.

– За убийство.

– Что???

– Что слышала. За убийство.

– Кого?

– Репниной Софьи Андреевны, 1980 года рождения, продавщицы магазина цветов «Лилия».

– Господи, – залепетала я, – и зачем бы Володьке лишать жизни двадцатилетнюю девчонку? Конечно, я слышала, что кое-кто из ваших избивает подследственных, но Костин-то никогда этого не делал, или я ошибаюсь?

– Она была его сожительницей, – нехотя пояснил Славка, – любовницей, попросту говоря. Трахался он с ней.

– Да ну? Не может быть!

– Почему?

– Мы знали всех его дам сердца, – выпалила я и прикусила язык.

Уже давно Володя никого не приводил к нам в гости, последней была до омерзения манерная «Оружейная палата».

– Значит, не всех, – вздохнул Рожков. – Репнина имела собственную квартиру на Аргуновской улице. Вовка там часто бывал, его видели соседи, и вообще, он не скрывался, возил девушку на своем автомобиле, таскал за ней сумки, даже помойку выносил…

Я молчала. Помойка – это уже серьезно, пахнет семейными отношениями.

– У Репниной, – продолжал Славка, – был до Володи друг, некий Антон Селиванов, кстати, ему тоже за тридцать. Софья Андреевна предпочитала иметь дело с кавалерами постарше. Что-то у них там не сложилось, хотя господин Селиванов человек обеспеченный, даже богатый, в отличие от нашего Костина копейки не считает.

Но, как бы там ни было, Сонечка закрутила роман с Костиным.

Вчера утром Антон влетел в отделение милиции и сказал дежурному:

– Я договаривался о встрече с подругой, пришел, а она дверь не открывает. Звоню, звоню, полная тишина, нехорошо это!

Дежурный отбрыкивался от мужика как мог, но Селиванов не зря успешно занимался бизнесом. Парень добрался до начальника отделения и добился того, что менты квартиру бывшей любовницы вскрыли.

И обнаружили они там труп Репниной, убитой кухонным ножом. Пока на месте преступления работала специальная бригада, Антон, без конца хватавшийся за сердце, рассказал оперативникам чудовищную историю.

Они с Репниной разошлись, но остались добрыми друзьями. Иногда ходили вместе в ресторан или в ночной клуб. Отношения их из любовных трансформировались в приятельские. Сонечка, живущая на зарплату продавщицы, изредка перехватывала у Антона деньги и частенько забывала отдать долг. Но Селиванов не настаивал. Он отлично зарабатывает, живет один, жены не имеет… Словом, может себе позволить подкинуть «капусту» подруге.

Некоторое время тому назад Сонечка рассказала Антону о своем новом кавалере – милиционере. Известие о том, что бывшая любовница связалась с ментом, не порадовало бизнесмена, и он без обиняков высказал девушке все, что думает по этому поводу.

– Ну, нашла достойный объект. Да они все идиоты. Прикинь, лампочку втроем закручивают.

– Как это? – не поняла Соня. – Почему втроем?

– Очень просто, – хохотнул Антон, – один легавый берет лампочку, залезает на стол, а два других крутят стол по часовой стрелке.

– Дурак! – обиделась Софья. – Володя не такой, он майор с Петровки.

– Значит, взяточник, – вздохнул Селиванов.

Репнина обозлилась и несколько месяцев не звонила другу. Голос ее он услышал только позавчера.

– Алло, – прошептала Сонечка.

– Привет, – обрадовался Антон, – как дела?

– Плохо, – залепетала девушка, – просто отвратительно, хуже некуда.

– Что случилось? – испугался Антон.

В ответ раздались рыдания. Ничего не понимающий мужик вскочил в автомобиль и примчался к Соне домой. Когда бывшая любовница открыла дверь, парень чуть не упал от ужаса. Лицо Сони украшал огромный синяк, на руках виднелись ссадины.

– Кто это тебя так? – только и смог спросить Селиванов.

– Володя, – всхлипывала она, – он зверь.

Удержав на языке фразу: «Я тебя предупреждал», Антон сгонял в ближайший супермаркет за коньяком и, налив Соне, принялся расспрашивать о происшедшем.

Девушка трясущейся рукой ухватила бокал и начала рассказывать:

– Он ужасно ревнивый, стоит только посмотреть в сторону или заговорить с кем-то, мигом начинает драться. Вот вчера были на дне рождения у моей приятельницы, и я танцевала с ее мужем. Так Костин в гостях мило улыбался, но, стоило сесть в машину, схватил меня за волосы и начал колотить лицом о приборную доску, хорошо нос не сломал.

А неделю назад он избил ее в кровь за телефонный разговор с бывшим одноклассником, во вторник ударил кулаком прямо в грудь с такой силой, что чуть не остановилось сердце…

– Он меня когда-нибудь убьет, – всхлипывала Соня.

– Немедленно прекрати всякие взаимоотношения с этим субъектом, – велел Селиванов.

– Боюсь, – шелестела бывшая любовница, – он только обозлится. Я уже пыталась, даже к маме хотела уехать, а Володя туда прибыл и закатил жуткий скандал. Знаешь, что он сказал?

– Нет, – покачал головой Антон.

– Тебе от меня никуда не деться, – монотонно повторила девушка и зарыдала, – я боюсь, боюсь…

Селиванов обнял ее за плечи и стал тихонько баюкать.

– Ну, ну, успокойся. Сейчас придумаем, как поступить.

В этот момент за его спиной раздался голос:

– Здравствуйте!

Сонечка оттолкнула Селиванова, мигом промокнула рукавом глаза и засуетилась:

– Ой, Володечка, вот не думала, что приедешь, вот не предполагала.

– Это я вижу, – нехорошо ухмыляясь, произнес мужик, оглядывая початую бутылку коньяка и растерянного Антона, – понимаю, картина «Не ждали», но познакомиться не мешает, Костин.

И он протянул Селиванову широкую, крепкую ладонь. Антон машинально пожал протянутую руку, отметив, что у мента сильное рукопожатие. Соня заметалась по кухне, хватаясь одновременно за чайник, кастрюльку и сковородку.

– Сейчас, сейчас, быстренько яичницу сварганю.

– Не надо, – продолжал усмехаться нежданный гость. – Я просто ехал мимо, дай, думаю, погляжу, чем ты занимаешься. Ну, до вечера, дорогая.

Не успел мент выйти за порог, как Соня рухнула на табуретку и зашлась в рыданиях.

– Боже, – стонала она, – боже! Теперь он меня убьет, приедет вечером и зарежет! О господи! Что делать?

– Не рыдай, – поморщился Антон, – лучше собирайся потихоньку и поедем ко мне. Поживешь недельку-другую спокойно, а там придумаем, как лучше поступить.

– Нет, нет, – лихорадочно бормотала Соня, – нет, мне на работу пора, хозяин уволит!

Она забегала по квартире, лихорадочно одеваясь. Антон тяжело вздохнул.

– Ну, и куда ты с такой мордой двинешься? Покупатели разбегутся от ужаса.

Соня глянула в зеркало и тут же разрыдалась. Селиванов принялся устраивать дела. Сначала позвонил в цветочный магазин и наврал директору, что является врачом «Скорой помощи», которая увозит гражданку Репнину в больницу с приступом холецистита. Затем сказал Софье:

– Давай умывайся, складывай шмотки, я сейчас съезжу в контору, а через два часа вернусь за тобой, чтобы была полностью готова.

Но примерно через час Соня позвонила ему на мобильный и веселым голосом сообщила:

– Слышь, Тоша, спасибо. Ко мне приехала Машка Соломатина, ночевать остается. Давай перенесем переезд на завтра, хорошо?

Селиванов знал, что Маша Соломатина, школьная подруга Сони, девушка серьезная, учится в институте физкультуры и спорта, увлекается восточными единоборствами… И вообще, при росте метр семьдесят пять Машка весит почти сто килограммов. Причем в ее теле нет ни капли жира, оно состоит целиком из литых мышц. Такая девушка сумеет справиться сразу с тремя майорами.

– Отлично, – повеселел Антон, – но утром, ровно в девять, сиди у чемодана в прихожей.

Однако назавтра дверь ему никто не открыл, и подозревавший самое ужасное Селиванов кинулся в милицию.

Дальше события завертелись колесом. Сначала с Костиным просто дружески побеседовали. Володя спокойно подтвердил: да, с Соней Репниной знаком, более того, их связывали одно время очень близкие отношения, но они расстались. И он не ревновал Соню, не бил ее и никогда не встречался с Селивановым. Тут же в кабинет привели Антона, который мигом подтвердил: именно этот человек приходил вчера к Репниной. Но Костин стоял на своем: не был у Сони, и точка. И вообще, у него есть другая женщина, с которой он провел последние три дня безотлучно. Как раз получил отгулы за сверхурочную работу. Майор назвал ее имя – Надежда Колесникова.

Опросили и ее, но девушка только пожимала плечами. Знать ничего про Костина не знает, даже не слышала про человека с такой фамилией. Следователю ситуация перестала нравиться, он запросил ордер на обыск, и в багажнике «Жигулей» Володи обнаружился кухонный нож, угрожающе длинный и острый.

Инструмент мясника был вымыт, но в том месте, где рукоятка присоединяется к лезвию, нашлись частички крови, и экспертиза четко указала: именно этим орудием и была зарезана несчастная Соня Репнина.

Костин не смог внятно объяснить, откуда в его автомобиле взялся сей жуткий предмет, и следователь заключил коллегу под стражу. В следственной части Бутырки, где майора хорошо знают, к нему отнеслись не как к обычному нарушителю закона, дали позвонить и определили в пятиместную камеру не с урками, а с людьми, совершившими экономические преступления. Собственно говоря, это все, что знал Слава.

– Устрой мне с ним свидание! – потребовала я.

Рожков развел руками.

– Встречи с человеком, по делу которого еще идет работа, запрещены. Получить свидание можно только по специальному разрешению следователя.

– Ну, и в чем проблема? – удивилась я. – Быстренько напиши нужную бумажку.

– Не могу!

– Почему?

– Дело-то не я веду.

– Да ну?

– Конечно, мы же коллеги и близкие приятели.

– А кому передали дело?

Славка тяжело вздохнул, повозил стаканчик с остывшей бурдой по столику и сказал:

– Федьке Селезневу, жуткой гниде, уж поверь, хуже варианта не придумать. Кстати, у тебя паспорт с собой?

– Да, а зачем он тебе?

– Поедем в Бутырку.

– Так ты же говорил, что не можешь устроить свидание!

– Законным путем – нет.

– Тогда как?

– Нормальные герои всегда идут в обход, – ответил Славка. – Поехали, только сначала давай кой-чего купим.

В отделе кулинарии он приобрел копченый куриный окорочок, три пирожка с мясом, потом в гастрономе взял небольшой пакетик сока, сыр, нарезанный тонкими ломтиками, пять пачек сигарет, с десяток пакетиков «Нескафе» и стограммовую упаковку сахара. Потом он засунул покупки в мою не слишком объемистую сумочку.

– Эй, эй, – рассердилась я, – что за глупости! Мне не нужны продукты…

– Это не тебе, – пояснил Славка, – Володьку покормишь. Передачи-то ему еще не дают, небось голодный сидит!

– Нам ему передачи надо носить? – спохватилась я. – Какие?

– Обычные, – сообщил приятель, – раз в месяц продукты тридцать килограмм, вещи, лекарства… Еще можно притащить телик, радио, холодильник, таз и ведро.

– Ведро зачем?

– Стирать. Да, еще кипятильники, желательно побольше, штук десять сразу, они в тюрьме все время перегорают. Ну и, естественно, сигареты. Какие попроще, «Приму», допустим, блоков восемь.

– Он столько не выкурит!

– Сигареты в тюрьме валюта, вместо денег ходят, хотя там и всемирный эквивалент любят, желательно зеленый. Кстати, на, спрячь в лифчик.

И он протянул мне странную тугую трубочку, запаянную в кусок от полиэтиленового пакета.

– Что это?

– Доллары, в Бутырке нельзя без них.

– Но почему в таком виде?

Слава тяжело вздохнул.

– Надо же через шмон пройти…

Я почувствовала, как в висках мелко-мелко забили молоточки. В мою жизнь, жизнь человека, выросшего в семье доктора наук и оперной певицы, в мою судьбу абсолютно добропорядочной гражданки, переходящей улицы только на зеленый свет, с ужасающей реальностью врывалась Бутырская тюрьма с какими-то дикими, непонятными правилами.

– Шмон? Это что такое?

– Обыск, – коротко ответил Рожков, – заключенных без конца проверяют, и долларешники Вовке придется протаскивать украдкой, во рту, за щекой или еще где, поэтому в целлофан и закатывают. Кстати, подожди вот здесь.

Он нырнул внутрь большого универмага. Я в изнеможении прислонилась к кирпичной стене. Голова гудела, словно пивной котел. Вернувшийся Славка дал мне маленькие ножницы, две катушки ниток, пачку иголок и упаковку лезвий.

– Это в бюстгалтер засунь.

– Зачем?

Славка разозлился.

– Затем, что я говорю.

– Может, объяснишь все-таки?

Мы сели в его раздолбанные «Жигули» и понеслись по улицам.

– Острые, режущие и колющие предметы к проносу в СИЗО запрещены, – сообщил Слава.

– А ногти как стричь?

– Отгрызать!

– На ногах?

– Слушай, Лампа, – вышел из себя майор, – правила не я придумывал. По мне, это тоже глупость. Во-первых, адвокаты все равно протащат, а во-вторых, работники СИЗО просто зарабатывают, доставляя в камеры все – от тетрисов до сотовых телефонов.

– А что, тетрис нельзя?

– Нет.

– Почему, это же просто игрушка! Скуку разогнать!

Славка нажал на тормоз так, что я влетела в ветровое стекло головой.

– Лампа, имей в виду, как только кто-то из твоих родственников попал в тюрьму, бесполезно интересоваться, как, почему да отчего там такие порядки. Приходится подчиняться молча. Сахар-кусок нельзя, а сахарный песок за милую душу, мыло возьмут, а шампунь ни за что, бульонные кубики примут и супы в стаканах тоже, зато в пакетах отшвырнут, спички – пожалуйста, но зажигалки растопчут каблуком. И уж совсем непонятно, почему можно огурцы и нельзя

помидоры. Но запомни, добиться от сотрудников Бутырки ответов на поставленные вопросы невозможно. Просто молча выполняй требования или…

Он замолчал.

– Или?

– Плати по установленному тарифу, передачка сто баксов.

– Ничего себе, – возмутилась я, – кто же такие цены придумал? Да у людей оклады месячные меньше этой суммы. У вас там, в МВД, с ума сошли?

Славка уставился на меня сердитым взором:

– Ты издеваешься? Дурой прикидываешься, да?

Я ахнула.

– Хочешь сказать, что сотрудники тюрьмы за взятки нарушают закон?

– Да, – зашипел Славка, – да, они тут все сволочи, на мой взгляд, их надо самих посадить! Знаешь, сколько раз администрацию Бутырок разгоняли? Ну и чего добились? Новые точно такие же пришли! Тут все имеет стоимость. Сотовый принесут – одна сумма, водки притаранят – другая, лишняя передачка – третья. А родственники, сталкиваясь с этой коррумпированной системой, прямо как ты выражаются. «Что там у вас в МВД за порядки?» Да Бутырка к Министерству внутренних дел не относится!

– Да ну, – удивилась я, – вот новость, я всегда считала, что тюрьма в ведении милиции.

– Нет, – покачал головой Славка, – над ними начальником Главное управление исполнения наказаний, а данное учреждение относится к Министерству юстиции.

– А-а, – протянула я, – это их министр в бане с голыми девочками попался.

– Точно.

– Однако хороши у нас слуги закона, – пробормотала я, – министр в бане с проститутками, генеральный прокурор в чужой квартире с дамами легкого поведения, чего же от служивых из Бутырки ждать? Каков поп, таков и приход!

– Пошли, – велел Слава.

Мы поднялись по узенькой лестнице вверх и очутились в маленьком дворике, забитом людьми с пухлыми сумками. В основном это были женщины с мрачными, растерянными лицами.

– Стой тут, – приказал Рожков и исчез.

Я опять прислонилась к стене и попыталась соединить мозги в единое целое. Но ничего не получалось, мысли расползались, словно тараканы от внезапно вспыхнувшего света.

– Свидания ждете? – раздался рядом тихий, вкрадчивый голос.

Я машинально кивнула и повернула голову. Около меня стоял мужчина в серой майке и довольно грязных сапогах.

– Могу на сегодня, в поток, который пойдет в двенадцать, устроить, – проговорил он и улыбнулся, обнажив гнилые, черные зубы.

Мне стало интересно.

– Сколько?

– Договоримся.

– И все же?

– Сотняшку.

– Рублей?

Парень хохотнул:

– Нет, монгольских тугриков! У нас цены в уе.

– Дорого очень.

– Тогда стой неделю и бегай отмечаться по три раза в день.

– Спасибо, я подумаю.

– Только быстро, место одно осталось, не желаешь, другие найдутся. Между прочим, деньги не мне идут. Я-то с этого ничего не имею, исключительно из христианского милосердия помочь хотел.

– Лампа, – крикнул Славка, – быстро сюда!

Я бросилась на зов. Внезапно что-то словно толкнуло в спину. Остановившись, я оглянулась. Гнилозубый «добряк» смотрел мне вслед нехорошим, тяжелым взглядом.

Глава 3

– Слушай внимательно, – велел Славка, пока мы лезли по широкой лестнице вверх, – уж не знаю, получится ли у меня еще одно неправомерное свидание устроить.

– Какое?

– Замолчи и слушай. Твоя задача убедить Вовку, что запираться глупо, поняла?

– Ты думаешь, он убийца?

– Нет, дед Пихто! Улик полно. Пусть заканчивает играть в несознанку, быстрее сядет, раньше выйдет, Отелло долбанутый, – зудел Славка, – а то затянется следствие на год, и будет тут сидеть, на нарах париться! Ежели признается по-быстрому, в месяц процедуру свернут, а мы уж постараемся суд ускорить. Глядишь, к Новому году в колонии окажется, на свежем воздухе, а там возможны варианты…

– Какие?

– На поселение отправят, условно-досрочное дадут, главное, Бутырку миновать и осудиться. Тут знаешь сколько времени люди процесса ждут!

– Сколько?

– И два, и три года… Так что пусть не дурит, завтра адвокат придет.

– Кто его нанял?

– Мы с Мишкой Козловым, только об этом никому рассказывать не надо. Ну давай, вон, видишь, парень стоит у окна, Алексей Федорович зовут, топай к нему, а я тут посижу.

И он остался на лестнице. Я подошла к плечистому блондину, кашлянула и робко сказала:

– Здравствуйте.

С абсолютно каменным лицом парень процедил:

– Евлампия Андреевна Романова? Сдайте паспорт.

Я покорно протянула бордовую книжечку толстощекой бабенке, сидящей в железной клетке перед металлоискателем, и получила взамен железный круглый номерок вроде тех, что выдают в бане. В сумку никто не заглянул, и обыскивать меня не стали.

Алексей Федорович широким шагом двинулся вперед, я засеменила сзади. Мы шли по бесконечным лестницам, изредка проходя сквозь лязгающие решетчатые двери. Наконец мы очутились перед широким коридором, сверху, почти у потолка, виднелась белая стеклянная табличка с черными буквами «Следственная часть».

Алексей Федорович отпер один кабинет и приказал:

– Ждите.

Я рухнула на стул и оглядела крохотное помещение. Обшарпанный письменный стол образца шестидесятых годов, почти раритетная настольная лампа на подставке с зеленым абажуром, допотопный сейф, напоминающий поставленный на попа железный ящик. На стене зачем-то висит карта полушарий, тельняшка. Окно забрано частой решеткой, и из него видна только часть бетонной стены…

Заскрежетал ключ, и в помещение вошел Володя. Маячивший сзади Алексей Федорович угрюмо пробасил:

– Времени вам час, извините, вынужден запереть.

– Естественно, – хладнокровно ответил майор, – должностную инструкцию нужно соблюдать.

Лязгнул замок, мы остались одни. Я кинулась вытаскивать продукты, сигареты и галантерею. Костин мигом проглотил еду, сунул в карман пакетики с кофе, сахар, сигареты и сказал:

– Больше не траться.

– Завтра я продукты принесу.

– Не надо.

– Но как же…

– И так проживу, тут кормят, а за ножницы спасибо, кто надоумил?

– Славка.

– Рожков, – вздохнул Володя и закурил, – ну-ну… И что он просил мне передать?

Я молитвенно сложила руки:

– Вовка, умоляю, покайся. Чистосердечное признание уменьшает вину…

– Но утяжеляет срок, – хмыкнул приятель, – в чем мне, интересно, признаваться надо?

– В убийстве Репниной Софьи Андреевны, 1980 года рождения. Знаешь такую особу?

– Только с прекрасной стороны, – тихо ответил Володя, – некоторое время с обоюдным удовольствием провели вместе.

– А почему расстались?

Приятель вздохнул.

– Знаешь, пока речь шла о постельных удовольствиях, проблем не возникало. Соня – девочка красивая и в кровати многим сто очков вперед даст, фигура роскошная, талию двумя пальцами обхватить можно, грудь словно у Джины Лоллобриджиды в лучшие годы, ноги от ушей, волос – как у трех колли, огромная светлая копна… Но вот когда я к ней чуть привык и захотел просто поговорить, выяснилось, что это невозможно.

– Почему?

Володя с наслаждением закурил и пояснил:

– Сонюшка глупа, как муха. Я сначала думал – прикидывается. Ну как моя дама ухитрилась прожить на свете двадцать лет и ничего не прочитать? Допустим то, что она считает, будто Грибоедов – это марка кетчупа, еще полбеды. Впрочем, меня не слишком напрягло, что она радостно заявила, будто станция

«Маяковская» названа в честь построившего ее архитектора, но зимой я затащил ее в кино на «Трех мушкетеров»… Так когда Констанция Бонасье скончалась, бедненькая Сонечка залилась слезами, повторяя: «Умерла, ах, как жаль!»

Глядя на такую реакцию, Володя мигом понял, что его дама никогда не держала в руках книг Дюма, впрочем, любых книг вообще.

– С ней просто не о чем было побеседовать, – объяснил майор, – Соня интересовалась только сплетнями о людях искусства, вернее, эстрадных певцах, еще живо обсуждала новое платье подруги и весьма заинтересованно высказывалась на тему косметики. Даже журнал «Космополитен» с его статьями «Как удержать мужа» и «Стоит ли заводить роман с начальником» казался девушке слишком сложным. Честно говоря, она предпочитала комиксы и видеокассеты. В особенности ей нравился фильм с Джимом Керри «Тупой, еще тупее»… Когда главный герой громко пукал в гостиной, Сонечка валилась на пол от хохота, подталкивая Володю локтем: «Нет, ты гляди, какой прикол! Уписаться можно!»

Сначала Костин посмеивался над любовницей, потом начал хмуриться, а затем настал момент, когда она стала его раздражать, и они расстались. Разошлись по-хорошему, оставшись друзьями. Володя поздравил Соню с днем рождения и Восьмым марта, а та, в свою очередь, преподнесла ему на 23 февраля дорогой одеколон «Шевиньон». Но это было все.

– У меня в августе появилась другая, – откровенничал майор, – Надя.

– А почему я ничего не знала ни про Соню, ни про Надю?

– Ну, еще только этого не хватало, – вскипел майор, – хватит с меня «Оружейной палаты». И потом, не знакомить же своих со всеми, с кем спишь! Спасибо за кормежку, но еду присылать не надо.

– Почему?

– Меня скоро выпустят.

Я посмотрела на приятеля.

– С чего ты это решил?

– Недоразумение быстро выяснится, – совершенно спокойно сказал Костин. – Федька Селезнев, конечно, отвратительный тип, но хороший профессионал, он все сделает как надо. И потом, несмотря на то, что к нам на работу сейчас хлынул поток случайных людей, цеховая солидарность все же существует. Наши все силы приложат, чтобы оправдать меня. Я бы, например, окажись Федор в подобной ситуации, постарался как мог.

– Ну, и что бы ты сделал?

Костин вздохнул:

– Да много чего. Во-первых, потряс бы этого Антона Селиванова… Ну какой ему интерес оговаривать невинного человека? И ведь отличную сказку придумал, какие детали привел… Потом бы поинтересовался у эксперта, когда возникли синяки на лице Репниной, носят ли они прижизненный характер… Еще побалакал бы с подружками Сони, продавщицами из цветочного магазина, уж они-то точно знают о ее любовных похождениях, ну и, конечно, посекретничал бы с Надей Колесниковой. Я у нее провел тот день, когда, по утверждению Селиванова, заходил к Репниной. Вот так!

– С Колесниковой разговаривали, но она заявила, будто даже не слышала твоего имени.

Володя махнул рукой.

– Так я уже объяснял, глупость допустили, хотели как лучше, а сделали как всегда. Заявились к Наде вечером домой, около десяти, и давай про меня расспрашивать, ну и что бедной бабе оставалось делать? Только плечами пожимать да руками разводить. Утром с ней следует поболтать в служебном кабинете, вот тогда она и подтвердит мое алиби.

– Ну и странность, – изумилась я, – что же ей помешало сказать правду вечером?!

– Так она замужем, – пояснил майор, – небось супруг рядом сидел, кто же признается в любовной связи в такой момент!

– Ты связался с замужней бабой?

– А что здесь такого?! Вообще это она меня подцепила.

– Да ну?

– Ага.

– И где?

– В магазине «Мир». Я за дециметровой антенной пришел.

– Погоди, погоди, так ты сколько времени с ней знаком?

– Двадцать девятого августа первый раз увидел.

– А сегодня пятое сентября! Так ты что, не успел познакомиться и в постель бабу поволок? Отвратительно, – возмутилась я, – хоть успел выяснить, как ее зовут?

– Постель не повод для знакомства, – неожиданно улыбнулся приятель, но, увидев, что я нахмурилась, быстро добавил: – Ну, Лампа, не будь ханжой, мы люди взрослые, понравились друг другу, купили бутылочку… У нее как раз муж уехал, он дальнобойщиком служит, фуры гоняет по России… Ну и провели пару деньков вместе, к обоюдному удовольствию. Ни ей, ни мне ничего не надо. Она не собирается разводиться, я жениться… Так просто, повеселились. Супруг ее как раз вчера должен был вернуться. Да не дергайся. Завтра Федька с ней на работе побеседует, и недоразумение выяснится.

Но я не была столь оптимистично настроена, впрочем, как мне показалось, Слава Рожков тоже.

– А если эта Надя не захочет тебя выручать?

– Если бы да кабы, – разозлился майор, – значит, по-другому действовать будут. По-моему, всем, кто меня мало-мальски знает, должно быть понятно: женщину никогда не смогу ударить, даже в запале, от злости, а уж бить до синяков! Нонсенс! И потом, я совершенно не ревнив, и если дама не желает жить со мной, пожалуйста! Самым спокойным образом заведу другую. Уж не знаю, как бы я поступил, обнаружив в шкафу любовника законной жены… Может, и надавал бы парню люлей, и с дражайшей супругой развелся… Но избивать женщину! Извини, это совершенно не в моем стиле.

– А почему в багажнике твоих «Жигулей» оказался нож?

– Вот это загадка. Я его туда не клал. И потом, оцени по достоинству совершенную глупость. Вместо того чтобы сунуть нож в коробку, положить туда камень и утопить на дне какого-нибудь водоема, я мою орудие убийства и вожу его с собой. Во-первых, зачем? А во-вторых, ты считаешь меня клиническим идиотом? Извини, но я все-таки профессионал, может, не самый лучший, но вполне подкованный.

– Слава Рожков тоже профессионал, – медленно произнесла я, – и он просил уговорить тебя сознаться. Говорит, главное – осудиться по-быстрому и в колонию уехать, а там и до свободы рукой подать.

– Вот это еще более странно, чем ножик в багажнике, – совершенно спокойно заметил приятель.

Но по тому, как быстро запульсировала у него на виске голубая жилка, я поняла, что он сильно нервничает.

– Что странно?

– То, как ведет себя Славка, – пояснил Володя, – он меня со школы милиции знает. Мы ведь дружили бог знает сколько лет! В одном районном отделении начинали, ворованное белье с чердака искали, потом юридический без отрыва от работы закончили, вместе в институт ходили… Славка меня как облупленного изучил, почти все мои бабы на его глазах прошли, ну, во всяком случае, постоянные… Уж он-то в курсе. Неужели и впрямь считает меня убийцей?

Я молчала.

– А ты, – настаивал Володя, – ты-то хоть мне веришь?

– Да, – ответила я, – но, похоже, я – единственная, кто не сомневается в твоей непричастности к этим событиям.

Внезапно Володя как-то странно скривился и поинтересовался:

– Ну, а если вдруг выяснится, что я все же виноват, как вы с Катей поступите тогда?

Я посмотрела в его напряженное лицо и спокойно ответила:

– Мы обе решим, что на тебя нашло временное помрачение ума, и будем таскать на зону продукты, лекарства и вещи. Мы любим тебя и считаем своим лучшим другом, а друзей, даже если они совершают роковые ошибки, нельзя бросать, тем более в беде.

– Спасибо, – хрипло сказал Володя, – я тоже люблю вас, хоть вы иногда бываете отвратительными. А Славке передай: ни в чем признаваться я не стану. Хотят видеть Костина на скамье подсудимых, пусть доказывают вину.

– Не сердись на Славу, – попросила я, – он переживает, они с Мишей Козловым наняли тебе адвоката.

– Огромное им мерси, – хмыкнул майор, – страшно тронут.

В этот момент щелкнул замок и появился малопривлекательный Алексей Федорович. Он выразительно постучал пальцем по часам. Володя встал, меня неприятно поразил тот факт, что он, выходя из вонючего помещения, заложил руки за спину.

Славка Рожков стоял во дворе, у стеклянных дверей, ведущих в какие-то помещения тюрьмы. Увидев меня, он бросил недокуренную сигарету и резко спросил:

– Ну что, уговорила?

Я покачала головой.

– Он не считает себя виноватым и верит в то, что коллеги сделают все для его оправдания.

– Идиот! – в сердцах заорал Рожков, потом, слегка успокоившись, добавил: – Кретин!

– Ты подозреваешь, что он убийца?

– Я знаю, – припечатал Славка, – там в деле улик полно.

– Каких?

– Разных!

– И все же?

– Нож!

– Его могли подложить!

– На рукоятке отпечатки Вовкиных пальцев!

Я растерянно замолчала. Конечно, я не являюсь профессионалом, но обожаю детективы и прочитала в своей жизни горы криминальных романов. Отпечатки пальцев – это серьезно. Но неужели Володя был таким идиотом, что схватился за орудие убийства без перчаток? Хотя, если он был в запале… Протянул руку, уцепил первый попавшийся предмет и пырнул несчастную Соню…

Мы сели в машину. Я тяжело вздохнула и уставилась на мелькающих за окном прохожих. Нет, все равно глупость получается. Девять мужиков из десяти, убив случайно свою подругу, запаникуют и ударятся в бега, наделают глупостей… Кое-кто бросит предмет, при помощи которого лишил бабу жизни, кое-кто постарается избавиться от трупа, наивно полагая, что отсутствие тела – это отсутствие преступления… Но и тот и другой, пытаясь замести следы, оставят кучу улик, таких вещей, по которым их можно вычислить, – волосы, кожные

частицы, капли слюны и крови, запах, в конце концов. Володя рассказывал мне как-то, что изобличить убийцу помог крохотный кусочек ногтя. Женщина, расправившаяся со своей соперницей, случайно обломала его и не заметила, а потом со спокойной душой уверяла, будто никогда не бывала у убитой дома…

Почему обычный гражданин делает огромное количество глупостей, пытаясь уйти от ответственности, совершенно понятно. Сильный стресс, потом ужас… Но Володя? Он-то почему запаниковал и наломал дров? И ведь не так давно с горечью говорил нам, что некоторые сотрудники правоохранительных органов, задавленные безденежьем, ушли из рядов милиции и оказались в стане врага, помогают организованным преступным группировкам.

– Хуже нет со своим бороться! – угрюмо объяснял Костин. – Во-первых, тяжело морально, а во-вторых, эти подлецы слишком хорошо знают нашу внутреннюю кухню. Сколько времени Золотникова вычисляли? И ведь кабы не его личная жадность, так бы и не поймали.

Я в задумчивости принялась дергать себя за волосы. Андрей Золотников, бывший майор, последние годы зарабатывал на жизнь, войдя в состав банды некоего Петра Рукавишникова, был у пахана «планировщиком преступлений» и попался по чистой случайности…

– Еще в квартире Репниной, – мрачно продолжал Слава, – нашли следы крови Костина. Она умерла не сразу, и вообще, похоже, до того, как Вовка ткнул ее ножиком, они дрались, вот и поцарапала бабешка любовничка до крови. В ванной обнаружили, что он, очевидно, умывался и оставил следы на полотенце, да и на пол капнул случайно. Кстати, у Вовки рожа расцарапана, видела?

Я кивнула – на щеке приятеля и впрямь виднелась темно-красная подсохшая полоска, такая получается, когда мужчина неловко орудует бритвой. Кстати, у Володи замечательная электрическая бритва фирмы «Браун». Я лично подарила ее ему на Новый год, и он теперь пользуется только этой бритвой.

– Кровь ничего не доказывает, – ринулась я в атаку, – Вовка в свое время часто бывал у Софьи, мало ли когда порезался!

Славка поджал губы, помолчал, потом, припарковавшись, сказал:

– Лампа, великолепно знаю, как вы с Катериной любите Володю, но подумай спокойно, раскинь мозгами. Вовка, идиот, утверждал, что порвал с Репниной еще зимой, а сейчас сентябрь. Даже если предположить, что оцарапался он в декабре… Она что, полотенце в ванной год не меняла? И пол не мыла?

Я удрученно молчала.

– А главное, – бубнил Рожков, – кровь свежая, она попала на кафельную плитку именно в тот день, когда произошло убийство.

– Не может быть!

– Увы! Это так. Есть еще одно…

– Что еще? – безнадежно спросила я. – Его тайком сфотографировали у трупа с ножом в руке?

– Почти. Помнишь, я только что говорил про царапину у него на щеке?

– Ну…

– У покойной под ногтями обнаружены частички кожи Костина.

Я не нашлась, что ответить. Значит, все-таки Володя убил несчастную.

– И что теперь нам делать?

– Ты собери ему передачу, – буркнул Славка, – жратву, белье, тапки, мыло… Ну, в общем, вот, держи.

И он сунул мне в руки листок. Я машинально глянула на строчки, написанные крупным твердым почерком. «Масло сливочное 4 пачки, кофе 1 банка, россыпью в полиэтиленовом мешке, сахар-песок 1 кг…»

– Это я тебе примерный список составил, – вздыхал Слава.

Очевидно, он очень переживал случившееся. Под глазами мужика залегли черные ямы, щеки ввалились.

– Харчи сложи в сумку, турецкую, клетчатую, с такими «челноки» ездят. А я вечером позвоню и скажу, когда нести да к кому обратиться, чтобы в очереди не стоять. Кстати, если с деньгами беда, мы с Мишкой поучаствуем.

С этими словами Рожков полез в карман за кошельком.

– Не надо, – тихо сказала я, – средства есть.

– Не стесняйся, – предупредил Славка, – содержание человека в тюрьме – дорогое удовольствие.

Последняя его фраза резанула мой слух. Он что, издевается? Впрочем, не похоже, просто неудачно выразился.

Глава 4

Остаток дня я провела, бегая по оптушке со списком в руке. И если бульонные кубики, сигареты, кофе, чай и сахар я купила без всяких проблем, то дальше начались трудности.

– Дайте шоколадную пасту «Нутелла», – потребовала я у бойкой девушки с золотыми зубами.

– 27 рублей, – сказала девчонка.

– Она стеклянная? – осведомилась я.

– Уж не железная, – гаркнула девчонка, решившая, что перед ней капризная покупательница.

– Мне нужна пластмассовая баночка!

– Дама, – раздраженно сообщила продавщица, – приличные фирмы давным-давно отказались от пластика при упаковке харчей, стекло намного гигиеничней, не выделяет токсины…

– Мне нужен пластик!

– Вот, е-мое, народ дурной, – вскипела торгашка, хватая отвергнутую «Нутеллу», – одна приходит – стекло требует, другой подавай пластмассу. Чистый дурдом! Ну за каким хреном тебе пластик?

От усталости и раздражения я выпалила:

– Чтоб тебе никогда в жизни не знать, куда стекло не берут!

Тетка мигом сменила тон:

– Погодь, в тюрьму, что ли?

Я кивнула.

– Чего же сразу не сказала, – укорила продавщица, высунулась из вагона и заорала: – Петька, к тебе дама подойдет, подбери ей там, на зону надо.

Потом она повернулась ко мне и велела:

– Ступай в двенадцатый павильон. Кстати, кто у тебя там?

– Брат, – вздохнула я.

– Трусы купила?

– Пока нет.

– Плавки не бери, только семейные.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

Девица отмахнулась:

– Муж сидел, пять лет по очередям толкалась. Ой, жаль мне тебя, тюрьма и зона родственников прям раздевают, а зэки только письма шлют: дай, дай, дай…

Я добралась до нужного места. Конопатый Петька расцвел в улыбке и начал вываливать на прилавок банки.

– Мне столько не надо.

– Ты послушайся, – велел продавец, – я шесть лет отсидел, все порядки знаю. Вот зубная паста, отечественная, в коробке.

– Это, Петька, у вас в «Матросской тишине» импорт нельзя, – раздался голос из другой палатки, – а у нас в Бутырке за милую душу брали.

– А к нам в Рязань селедку пропускали! – крикнул кто-то из рядов. – Возьмите своему ивасей, солененького завсегда хочется.

– Лучше сладкого, – заорал парень в черной майке, – карамелек, но не отечественных, наши, когда бумажки снимают, в один ком слипаются!

Я обалдело закрутила головой, слушая советчиков.

– А зачем обертки разворачивать?

Оптушка дружно захохотала. Одна из покупательниц, весьма элегантная дама в красивом брючном костюме пояснила:

– Надо все-все от «одежды» освободить, а сигареты россыпью в пакетике.

Подбадриваемая со всех сторон, я затарилась под завязку и потащила подпрыгивающую на выбоинах «тачанку» к дому. Это что же получается? Полстраны сидело, а вторая половина сейчас сидит? Никогда не думала, что

столько людей знакомо с тюрьмой и зоной!

Детей дома не было: Кирюшка отправился на секцию бодибилдинга, а Лизавета унеслась в бассейн. На холодильнике висела прижатая магнитом записка: «Лампуша, убежали, очень торопились, собаки не гуляли».

Я с тоской оглядела пейзаж. Кроме желавших срочно выйти во двор псов, в мойке громоздилась еще гора посуды, наверное, к ребятам приходили друзья, потому что в нее были навалены шесть тарелок, куча чашек, а на плите стояла абсолютно пустая кастрюля из-под супа. Вообще-то я не имею ничего против, когда Кирюшка и Лизавета принимают гостей, прошу только снимать у порога ботинки… Но бросать горы немытой посуды – это просто безобразие, и я даже не подумаю вымыть этот «Эверест», покрытый засохшим жиром. Вот вернутся и сами помоют. Но бедные собаки не могут так долго ждать!

– Гулять! – велела я.

Толкаясь и повизгивая, стая понеслась к выходу. Я прихватила поводки и, помахивая кожаными шлейками, вышла во двор.

На скамеечке у подъезда сидела лифтерша баба Зина.

– Ты дома? – удивилась она.

– Только что пришла.

– Как же ты мимо прошмыгнула, я и не заметила!

Я тактично промолчала. Примерно полгода назад жильцы нашей многоэтажной башни, напуганные все ухудшающейся криминальной обстановкой в Москве, решили установить в подъезде охрану. Сначала созвали общее собрание, на котором лаялись примерно два часа, обсуждая вопрос о домофоне. Собственно говоря, все, кроме Андрея Борисовича из 75-й квартиры, были за. Но вот господин Горелов был категорически против.

– Не буду я платить за ваш дурацкий домофон, – шипел он, – ко мне никто не ходит.

После долгих дебатов пришли к консенсусу. Абонентную плату Горелова раскидать по всем квартиросъемщикам.

– Дрянь эта ваша штука, – сердито выкрикнул Андрей Борисович, покидая просторный холл первого этажа, где толпились жильцы, – через день сломается.

К сожалению, он оказался прав. Домофон перестал работать на пятые сутки после установки. Его без конца чинили, потом плюнули и поняли, что лучше всего нанять консьержку.

К делу подошли творчески. Поставили у входа стол, на него водрузили телефон, повесили табличку: «Спрашивая вас о цели визита, дежурный не совершает бестактность, он выполняет постановление общего собрания жильцов». По идее, лифтерша обязана интересоваться у каждого постороннего: «Куда идете?» А потом звонить в нужную квартиру и спрашивать, ждут ли хозяева гостей. Но на деле опять вышло по-другому.

Сначала все думали, что у входа в подъезд будет находиться охранник из частного предприятия «Аргус». Но в этой фирме запросили такие деньги! Пришлось искать варианты попроще, тетушку с вязаньем. Так у нас появилась баба Зина. Сначала показалось, что она самый лучший вариант. Проживает в нашем же доме, на втором этаже, вместе с дочкой и внучкой. Но потом достоинство превратилось в недостаток.

Марина, дочь бабы Зины, целыми днями пропадает на службе. Когда восьмилетняя Леночка прибегает из школы, бабушка-лифтерша галопом несется домой, чтобы покормить внучку. И потом в течение дня неоднократно отлучается к себе, чтобы проверить, делает ли Лена уроки, какую передачу смотрит по телевизору, не зажгла ли газ… Так что ее частенько не бывает на рабочем месте. Жильцам, которые платят «охраннице» зарплату из своего кармана, такое положение вещей не слишком нравится, и они жалуются на консьержку в правление кооператива. Бабе Зине влетает по первое число, и неделю после нагоняя она с надутым лицом интересуется даже у обитателей дома, которых великолепно знает:

– Куда идете?

Есть еще одно качество, за которое я не слишком люблю Зинаиду Марковну. Она самозабвенная сплетница, обожающая собирать сведения про всех.

– И как только просочилась, – недоумевала бабка, – ни на секунду не отходила, разве в туалет только.

– Наверное, в эту минуту я и вошла.

– Ишь, носятся, – неодобрительно заметила старуха, недолюбливающая животных, и без всякой паузы добавила: – К тебе женщина приходила.

– Кто? – удивилась я.

– Сейчас, – пробормотала консьержка и пошла в подъезд, недовольно бурча, – вот ругаете меня без конца, Александру Михайловичу жалуетесь, а между прочим, я работаю как часы. Всех посетителей записываю в журнал, зря не пускаю…

Я ухмыльнулась, глядя, как она раскрывает амбарную книгу. Только вчера председатель нашего кооператива, Саша Веревкин, выдрал у бабы Зины из хвоста все перья. Я как раз возвращалась домой и слышала, как он громовым басом вещает:

– Еще одна претензия, Зинаида Марковна, и мы расстанемся. Между прочим, тысячу двести в месяц получаете, а у меня в институте доцент всего девять сотен имеет.

Ясно теперь, отчего баба Зина записала данные моей неожиданной гостьи.

– Ага, – удовлетворенно отметила старуха, – Надежда Колесникова. Знаешь такую?

Я растерянно заморгала. Надежда? Последнее амурное приключение Володи Костина, женщина, которая может подтвердить его алиби? Зачем я ей понадобилась?

– Что она сказала?

Зинаида Марковна вытащила из стола бумажку.

– Вот. Я, как велено, бдительность проявляю. Наверх не пустила, сказала, ты вечером заявишься. Она тогда цидульку накарябала и хотела на дверь прикрепить. Но я свои обязанности знаю и…

– Давайте, – не выдержала я.

– Держи, – рассердилась баба Зина, – стоит только на пять минут в сортир сбегать, мигом орать начинают, а как работу сделаешь, и спасибо не скажут.

Я хотела было ответить, что за службу она получает зарплату, но решила не связываться с противной старухой, а просто вышла во двор и развернула небольшой листок. У Нади не нашлось ручки, и она нацарапала карандашом для подводки бровей: «Уважаемая Лампа, мне срочно необходимо с вами побеседовать по ужасно важному вопросу. Пожалуйста, как придете, немедленно позвоните по этому телефону, буду ждать дома. Очень прошу, не медлите, речь идет о Володе Костине, вернее, о жизни и смерти».

Быстро кликнув собак, я поднялась в квартиру и набрала номер. Гудки мерно падали в ухо – пятый, шестой, седьмой… На двенадцатом раздался весьма раздраженный голос:

– Слушаю.

– Позовите, пожалуйста, Надю.

– Кто говорит? – командным тоном отчеканил собеседник.

Я хотела было сказать: «Евлампия Романова», но отчего-то выпалила совсем другую фразу:

– С работы. Колесникова не вышла утром, начальник велел узнать, что с ней.

– Сообщите свою фамилию, имя, отчество и телефон, – потребовал мужик.

Я обозлилась.

– Размер ноги или объем талии не нужен? Если Надежды нет дома, так и скажите, если есть, позовите скорей. Директор страшно злится, может даже уволить!

– Надежда Колесникова скончалась несколько часов тому назад, – сухо ответил мужчина, – вы разговариваете с лейтенантом Шохиным.

– Боже, – закричала я, – что случилось?

– Несчастный случай, как вас зовут?

– Таня Иванова, – быстренько ответила я и повесила трубку.

Несколько минут я, не понимая, как поступить, смотрела в окно, за которым опять начался мелкий, противный дождь. Потом позвонила Рожкову.

– Козлов, – раздался ответ.

– Миша, здравствуй, это Евлампия Романова, позови Славу.

– Привет, Лампа, – обрадованно ответил Мишка, – хорошо, что ты сама позвонила. Где находишься?

– Дома.

– Ну, погоди тогда, я занят жутко, звякну через пару минут.

Я покорно села у аппарата. Что там у них происходит? Осторожный Мишка явно не захотел разговаривать со служебного телефона из комнаты, набитой коллегами, и теперь ищет укромный уголок, чтобы воспользоваться мобильным.

Прошло целых десять томительных минут, пока не раздался тревожный звонок.

– Лампец, слушай, – велел Мишка. – Славка сказал, что завтра ты понесешь сумку туда, где была сегодня, поняла – куда?

– Да, в Бутырку.

Мишка крякнул:

– Давай без уточнений! Словом, явишься по нужному адресу ровно в 17.00, ни раньше, ни позже, поняла?

– Ага.

– Опять поднимешься, где была, там пост. Попросишь, чтобы дежурная набрала 3-26 и позвала Алексея Федоровича. Он выйдет, и дальше будешь его слушаться.

– Сколько ему платить?

– Не знаю, сам небось скажет, – протянул Козлов, – ну покедова.

– Мишка, погоди.

– Чего тебе? – недовольным голосом протянул мужик. – Говори быстрей, в этом аппарате живые доллары щелкают!

– Славка где?

– В отпуск ушел.

– В отпуск?

– А что тебя удивляет? Ему положен, как всем.

– Но он мне вчера ничего не сказал…

– Ну уж этот вопрос не ко мне, звони к нему домой и объясняйся… Давай, целую.

– Мишка!

– Что тебе! Всю карточку выговорила!

Вот уж не думала, что Козлов – такой жмот.

– Узнай мне адрес Надежды Колесниковой.

– Кого?

– Телефон ее запиши и скажи, на какой улице она живет.

– Зачем?

– Надо. Впрочем, могу объяснить, но тогда твой «Би плюс» точно весь закончится.

– Хорошо, завтра позвоню.

– Сейчас, это очень нужно.

– Господи, как вы мне все надоели, – в сердцах воскликнул Мишка, – ладно, жди, да не садись на телефон задом, наберу один раз, услышу, что занято, и все, дозваниваться не стану.

– Идет, только вспомни про карточку, лучше не болтай, а дело делай!

Мишка отсоединился. Я пошла на кухню и поставила на огонь хорошенький чайничек, купленный не так давно в магазине «Ваш дом». Много лет тому назад мы с моей мамой отдыхали в Риге, по советским временам Прибалтика считалась почти заграницей. Продавщицы там улыбались покупателям, да и на полках было побольше товара, чем в Москве. Стояло жаркое лето, и вся Рига, от мала до велика, ходила в белых носочках. Парни, девушки, элегантные дамы, старушки и школьники. Еще поражала чистота на улицах и невероятное количество кафе с великолепной сдобой. Один раз мы с мамой заглянули в такой «кофейный подвальчик». Я с удовольствием выпила лимонад, а мамуля попросила чай. Ей принесли хорошенький, абсолютно прозрачный чайничек с ярко-красной

пластмассовой крышкой.

– Какая прелесть, – воскликнула мама, – где можно купить такой?

Официантка мило улыбнулась.

– Не знаю, загляните в универмаг на рыночной площади.

Мы побежали по указанному адресу, но ничего, кроме эмалированных кастрюль, не нашли. Впрочем, по тем временам и они были редкостью, поэтому, обвесившись покупками, мы были довольны. Потом желание иметь такой прозрачный чайничек поутихло. Но позавчера я заглянула в хозяйственный и ахнула. Возле кассы стоял он, тот самый, с красной крышечкой. Вернее, емкостей для кипячения воды там была куча: от крохотных до ведерных, и все как одна стеклянные, с пурпурным верхом. Испытав острый приступ ностальгии по давно ушедшим счастливым дням детства, я мигом сделала покупку и сейчас смотрела, как со дна вверх поднимается цепочка мелких пузырей.

Телефон зазвенел, я схватила трубку.

– Записывайте, – сухим, почти ледяным тоном проговорил Мишка, – вы меня слышите?

Ага, значит, говорит из кабинета и хочет, чтобы находящиеся вокруг люди не знали, с кем он разговаривает.

– Вам следует обратиться по адресу: улица Столпера, девять, квартира двенадцать.

– Господи, где же это находится?

– Не имею понятия, – отрезал Козлов и, не попрощавшись, отсоединился.

Я кинулась на улицу. В «бардачке» моих «Жигулей» есть атлас Москвы.

Вожу я машину не так давно и делаю это пока не слишком уверенно. По незнакомому маршруту предпочитаю не ездить, но, если уж жизнь заставляет,

сначала прокладываю путь по карте.

Улица Столпера, к огромной радости, оказалась совсем рядом, шла между Смольной и Зеленой, буквально в пяти минутах езды от нашего дома.

Сев в «копейку», я, старательно соблюдая все правила, заняла место во втором ряду справа и покатила вперед. Так, сейчас доберусь до разворота, не забыть включить мигалку… Некоторые люди, например, Катя и Сережка, едут совершенно спокойно да еще болтают за рулем на разные темы, я же так не могу, все мое внимание приковано к дороге, и дистанцию с впереди идущей машиной я держу максимальную. На тех водителей, в основном мужчин, которые, обгоняя мои «Жигули», вертят пальцем у виска, я не обижаюсь. Просто представляю, как бы они выглядели за арфой, кстати, заднее стекло моей «копейки» украшено надписью «Извините, еду, как могу», и большинство водителей улыбается. Ну а идиот – он везде идиот, не только на дороге.

Возле дома Нади нашлось лишь одно место для парковки, но туда нужно было заезжать задом. Я же пока не умею выполнять этот трюк, поэтому просто оставила автомобиль на соседней улице и быстрым шагом вернулась к светлой блочной башне, точь-в-точь такой, как та, где живем мы с Катюшей.

У подъезда настороженно гудела толпа, и сразу было понятно, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Прямо на тротуаре белела «Скорая помощь». Вернее, автомобиль с глухими железными дверьми и красным крестом на крыше. «Труповозка» – такое малопоэтичное название носит в народе этот кабриолет. Рядом припарковались два «рафика» с надписью «Милиция» и серая «Волга».

– Что случилось? – спросила я у женщины с болезненно-отечным лицом, сидевшей на лавочке чуть поодаль от входа.

– Надька Колесникова из двенадцатой померла, – равнодушно ответила баба, – сейчас выносить будут.

– Да ну, – всплеснула я руками, – не может быть! Надя! Из двенадцатой! Какой кошмар! Только утром мы разговаривали!

– Знаете ее? – спросила тетка, ощупывая мое лицо какими-то больными глазами с воспаленными белками.

– Вот жалость, – вздыхала я.

– Подруга, что ли?

– Нет, комнату она мне сдать обещала.

– Надька?

– Ну да, а чего странного? Хорошие деньги даю, целых пятьдесят долларов.

– Интересно, – протянула баба, – у ней однокомнатная!

Я прикусила язык. Да уж, не слишком удачный придумала я повод, но отступать было поздно.

– Не знаю, она сказала, что сама живет у мужа, а…

– Кто? – перебила меня бабища. – Кто живет у мужа?

– Надежда.

– Какая?

– Колесникова, из двенадцатой квартиры, – терпеливо ответила я, – она сказала, что ее супруг работает шофером-дальнобойщиком.

– Это ты все перепутала, – заявила тетка, – у Надьки Колесниковой никакого супружника не было и нет, одна жила, ну, ходили к ней всякие парни… Но это ж не мужья. Ты небось с Нинкой из тринадцатой говорила. Вот у ней и Лешка водилой служит, и комната есть свободная в коммуналке, там раньше бабка проживала, да померла. Вон Нинка стоит, видишь, у подъезда, в красном платье? Ну, та, которая ревет? С Надькой Колесниковой они дружили, ишь как убивается!

Я послушно подошла к довольно полной блондинке и тронула ее за плечо.

– Простите, Нина.

– Да, – шмурыгнула носом толстушка, – слушаю…

– Нам надо поговорить…

– Вы из милиции?

Я секунду поколебалась, потом решительно сказала:

– Да. Вы вроде дружили с покойной?

В этот момент толпа, зашевелившись, вздохнула и подалась назад. Из подъезда вышли два мужика в коротких голубых халатах, они несли необычные оранжевые носилки, похожие на гигантскую мыльницу без крышки. Внутри лежал черный пластиковый мешок, наглухо застегнутый на «молнию».

– Ох, горюшко, – всхлипнула Нина, – ой беда, ой подружка моя дорогая, что же ты наделала!

Женщина принялась судорожно тереть глаза. Я осторожно спросила:

– Может, сядем вон там, на пустую лавочку…

– Не надо, – неожиданно спокойно ответила Нина, – лучше поднимемся ко мне, дома хоть нормально поговорим.

Глава 5

Мы поехали наверх, устроились на кухне, заставленной и захламленной. Чего тут только не было. Отчего-то подключены были сразу две стиральные машины: «Вятка-автомат» и «Канди», на подоконнике теснились банки, пустые бутылки,

чашки и электромясорубка. На обеденном столе без признаков клеенки или скатерти лежали куски хлеба, открытая пачка масла, пакетики с растворимым кофе «Пеле», записная книжка и расческа, из которой торчали клочки седых волос. Впрочем, уже через секунду в кухню вбежала грязная серенькая собачка, и я поняла, что это не волосы, а шерсть.

– Давно вы знакомы с Колесниковой? – строго спросила я официальным тоном.

Нина вздохнула:

– Дай бог памяти, в дом этот въехала году в 1983м, родители тут квартиру получили. Мне было четыре года…

– А сейчас вам сколько? – весьма невежливо брякнула я.

– Двадцать один, – спокойно пояснила Нина.

Надо же! Самое меньшее я дала бы ей тридцатник. Эк ее разнесло в столь юном возрасте! И потом, что за дурацкая прическа, если не ошибаюсь, в парикмахерских, тех самых, где клиентов стригут по пятьдесят рублей, этот фасон называется незатейливо: «химия на крупные палочки», но, к сожалению, через неделю после процедуры волосы повисают, словно кусок прошлогоднего сена на заборе… Во всем мире давным-давно придумали щадящие завивки, в результате которых вы становитесь обладательницей роскошных, переливающихся локонов, но российские женщины предпочитают «химию».

– А Надьке три исполнилось, – продолжала Ниночка, – мы потом вместе в садик ходили и в один класс попали, несмотря на год разницы.

Учились подружки плохо. После восьмого класса отправились получать специальное образование.

– Мы на медсестер выучились, – простодушно выкладывала свою незатейливую биографию Нина.

– Так вы медичка? – недоверчиво спросила я, покосившись на грязь.

– Да, – кивнула девушка, – в поликлинике работаю, на улице Топильского.

– А Надя тоже там служила?

Девушка немного замялась, а потом невесть почему стала вдруг рассказывать о том, как нелегок труд медсестры.

– К вечеру ноги гудят, прямо отваливаются, спина ноет, никаких сил не остается. Ночью вздремнуть совершенно невозможно – то одна из палаты орет, то другая. Капризные все, противные. Это им не так, то им не подходит. Нет бы полежали тихонько, потерпели, так нет – воют на разные голоса: «Сестра, уколи обезболивающее». А где я его возьму? Медсестры люди подневольные, что доктора прикажут, то и делают. Впрочем, врачи у нас нормальные, вот если бы не больные, то и работа вроде ничего.

Я вздохнула. Один раз, еще учась в консерватории, я сидела в туалете, запершись в кабинке, а к умывальнику подошли две преподавательницы. Одна, читавшая курс истории музыки, со вздохом сказала:

– Такие люди вокруг приятные, музыканты, композиторы, вот если бы не студенты, жизнь была бы прекрасна…

– Надя с вами работала? – прервала я стоны Ниночки.

– Нет, она ушла – очень тяжело…

– Где она трудилась?

– Ну, – замялась девушка.

– Дома сидела?

– Нет, конечно, кушать-то надо и одеться хочется, а денег никто не даст, родители у ней померли…

– Где она работала? Назовите место!

Нина принялась растерянно вертеть в руках грязную чайную ложечку.

– Ой, что это я, кофейку хотите? У меня и конфеты есть, и булочки с корицей…

Она подскочила и бросилась к плите, приговаривая:

– Давайте, давайте, горяченького, со сладеньким.

– Сядь, – велела я, – прекрати дергаться. Булки я не ем и тебе очень не советую увлекаться, лучше салат из овощей и отварное мясо без хлеба. Картошку, еще йогурт с нулевой жирностью, из снятого молока…

Нина сморщилась.

– Я люблю сливочный, он вкуснее…

Я посмотрела на валики жира, выпирающие из-под ее красного платья, и вздохнула. В конце концов, в мои обязанности не входит чтение лекций по диетическому питанию.

– Немедленно отвечай, где работала Надя, прекрати ходить вокруг да около!

Девушка села на табуретку и прошептала:

– Ну, теперь ей ничего не будет, раз померла. Она торговала желудком беременной ослицы.

– Чем? – оторопела я. – Ну-ка повтори!

– Желудком беременной ослицы, – покорно высказалась еще раз Ниночка.

Я разинула рот. Чего только не бывает в наше время! Про гербалайф, тайские таблетки с глистами, желчные камни крупного рогатого скота я читала в «Из рук в руки», но про ослов!

– Где же она его брала?

– Кого?

– Ну, желудок ослицы…

– В гастрономе покупала, на Ленинградском шоссе.

– А зачем его продают? Ну, для какой цели? Едят сей продукт или к больным местам прикладывают?

Ниночка тяжело вздохнула.

– Ну, слушайте, видимо, делать нечего, придется правду рассказать.

Надюша недолго проработала медсестрой, вскоре шприц, клизма и капризные пациентки ей надоели, и девушка ушла. Где она только потом не трудилась: продавала билеты в кинотеатре, торговала на рынке косметикой и колготками, бегала по домам от фирмы, производящей витамины, и пекла блинчики в павильоне «Русские блины»… Но никакой радости ни одна из работ не приносила. Да и фиг с ней, с радостью, были бы деньги, но их-то как раз и не платили. На рынке хозяин давал по пятьдесят рублей в день, в блинах выходило около тысячи в месяц, а за витамины вообще шел процент, и, протаскавшись весь день по крутым лестницам, можно было вернуться домой с пустыми руками.

Жизнь казалась Надюше беспросветной, и она часто жаловалась более удачливой Ниночке:

– Господи, вон в газетах пишут, богатые старики обожают молоденьких! Где найти такого дедушку? Уж я бы его ублажала со всех сторон! Денег хочу, ничего другого не надо! Денег! Долларов! Я, Нинка, за баксы на все согласная!

Ниночка вздыхала и предлагала подруге:

– Ну, хочешь, возьми у меня двести рублей, просто так, без отдачи!

Надежда закатывала глаза.

– И что на такую сумму можно сделать? В Макдоналдс пойти? Нет, Нинок, мне тысячи нужны. Ей-богу, если бы могла, пошла бы в проститутки, только меня с души воротит при виде грязных парней…

– А дедушку ищешь, – хихикала подруга.

– Так небось они импотенты, – пояснила Надя.

Зимой Надежда, стоявшая на морозе за прилавком с колготками, заработала воспаление придатков. Сначала, как все женщины, она хотела перетерпеть и не ходить к гинекологу, но потом боль скрутила так, что пришлось переться в женскую консультацию.

Естественно, у кабинета сидела очередь, штук шесть беременных женщин и две не слишком молодые тетки. Одна из будущих мамаш стала громко жаловаться на многочисленные болячки. Надюшу чуть не затошнило от отвращения, но другие бабы с животами мигом подхватили тему и начали рассказывать о своих недугах. Только одна, с огромным пузом, молчала. Когда остальные стали восклицать: «Лишь бы на ребенке не отразилось», сидевшая до сих пор тихо беременная резко сказала:

– Естественно, отразится: сами подумайте, могут с гнилого дерева сладкие яблочки упасть? Весь ваш токсикоз, повышенное давление и запор младенцу боком выйдут. Родится больной.

– Делать-то чего? – растерянно спросила самая молоденькая.

– Мне тоже плохо было, зато потом люди надоумили, что нужно отваривать по маленькому кусочку желудка беременной ослицы и пить воду. Мясо съедать на ночь. Три-четыре процедуры, и все. Я, например, про все недуги позабыла, и мой малыш, в отличие от ваших, родится здоровым.

– А где его берут, желудок этот? – робко поинтересовалась молоденькая.

– Мне из Средней Азии присылают, самый лучший, вот только что поезд встретила, десять порций получила. Дорогой только, зараза, одна доза сто баксов, но ради здоровья сына я на все согласна. Хотя мне уже этот желудок и

ни к чему, рожать не сегодня-завтра, да и не болит ничего. Но все равно купила, в морозильник суну, а потом подругам раздам, когда беременеть надумают!

Воцарилось молчание. Потом рыжая девушка, сидевшая у самого кабинета, попросила:

– Если вам ни к чему, продайте мне, а? Вот триста долларов. Трех порций достаточно?

– Конечно, много даже, и одной хватит!

– А мне одну можно? – подала голос брюнетка из угла. – Только сто баксов с собой.

– Сейчас мужу позвоню, – оживилась третья, – он мне оставшееся купит.

– Почему это все тебе? – окрысилась блондинка с золотым зубом. – Я тоже хочу здорового ребенка!

Торговка зашуршала пакетами, вытащила наружу нечто, страшно напоминавшее по виду коровий рубец, и получила от покупательниц в общей сложности тысячу долларов. Надюша только вздохнула, увидав, как беременная прячет зеленые бумажки.

Гинеколог осмотрел Надежду и велел сдать кровь на анализ. Каково же было ее удивление, когда на следующее утро в очереди к кабинету, где брали кровь, она опять увидела двух баб, тех самых, что вчера сидели к гинекологу… И опять одна, жалуясь на отвратительное самочувствие, «завела» всех на разговор о болячках, а другая принялась торговать ослиным желудком. Но самое удивительное было не это, бойкие бабы были уже не беременными, от их огромных животов ничего не осталось, и обе нацепили на стройные бедра узенькие джинсики-стрейч.

Надюша мигом смекнула, в чем дело, и пришла в полный восторг. Сразу из поликлиники она отправилась в мясной магазин, отдала сорок рублей за килограмм рубца и предложила Нине работать на пару, но медсестра побоялась дурить народ. Тогда Надюша взяла в напарницы другую девушку, и синдикат

«целителей» заработал на полную мощь.

– Они иногда по тысяче долларов в день имели, – вздыхала Ниночка. – Надюшка оделась, ремонт сделала, мебель купила, отдыхать съездила… И вот бац – умерла. И все из-за денег. Кабы не жуткие тысячи, что у нее в руках оказались, не погибла бы моя подруга.

– При чем тут деньги?

– Ну как же? – удивилась Нина. – Надьку током убило. Машину она посудомоечную купила, автоматическую. По мне, так совершенно ненужная вещь. Ладно стиральная: белье тяжело руками ворочать, а тарелки – тьфу!

Вот тут милейшая Ниночка не права. Прибор, превращающий грязные, жирные кастрюльки в скрипящие от чистоты предметы, – великолепная вещь, и я давно хочу купить такую штуку.

– Да и посуды у нее никакой, – пожимала плечами Нина, – ну сколько там грязи у одинокой бабы наберется… Но она захотела агрегатик, купила и умерла!

– Отчего?

– Говорю же, током дернуло, – шмыгнула носом Нина, – у нас в доме проводка старая, «земли» нет. Раньше, когда у народа только холодильники и телевизоры стояли, еще куда ни шло. А теперь у всех чего только не завелось! Вон у Федотовых из четырнадцатой – чисто магазин бытовой техники. Да и у Надьки полна коробочка была: тостер, ростер, СВЧ-печка, гриль, даже ножеточка – и та от тока работала, и консервный нож электрический, и тесак для мяса… Иногда вечером у нас лампы таким желтым светом горят… В общем, перегрузка вышла. Надя подошла к посудомойке и небось мокрыми руками включила… Ну ее и долбануло до смерти. Так и нашли возле машины.

Тут до глупой Ниночки дошло, что она беседует с представителем милиции, и девушка добавила:

– Да вы небось лучше меня все знаете.

Я проигнорировала последнее замечание и спросила:

– Расскажите о ее взаимоотношениях с Владимиром Костиным.

– С кем? – изумилась Нина.

– У Надежды был роман с Владимиром Костиным, и вы, как близкая подруга, не могли не знать этого. Скажите, он в конце августа часто бывал у нее?

Нина поджала губы.

– Не видела такого, у нее вообще мужиков не было с весны.

– Да? А муж? Она же замужем?

– Кто, – удивилась Нина, – кто замужем?

– Надя.

– Что вы, – отмахнулась девушка, – неправда это. Она хотела, конечно, супруга-то иметь, но ничего не получилось! Ухаживать – ухаживали, а под венец не вели. Кто вам про мужа наболтал?

– Да вот, нашлись люди, говорили, якобы он шофер-дальнобойщик…

– Ой, это ее со мной перепутали, – отозвалась Нина, – мой муженек фуры гоняет. Сейчас в Хельсинки отправился. А у Надьки никого, одна-одинешенька. Хотя, если бы захотела, мигом в загс побежала, охотников много было.

– Значит, никакого кавалера по имени Владимир Костин у нее не было?

– Нет, я бы знала. Она вообще 28 августа отдыхать уехала и вернулась только за день до смерти.

– Куда ездила?

Нина задумалась.

– Сейчас покажу.

Она на секунду вышла из комнаты и вернулась, держа в руках черную майку с надписью «Афины».

– Во, где такой город?

– В Греции.

– Вот туда она и ездила.

– Вы точно знаете?

– Конечно, у Надьки от меня тайн не было, – обиделась Нина. – Вернулась загорелая, веселая…

Спустя десять минут я уже была у метро, плохо понимая, что делать дальше. Неисправные бытовые приборы очень опасны, пользоваться незаземленной техникой не рекомендуется. Кстати, западные производители очень педантичны. Не так давно, на мой день рождения, Володя принес замечательный подарок – кухонный комбайн, который без всякого труда с вашей стороны трет морковь, режет лук, шинкует капусту и взбивает яйца. Так вот, руководство по эксплуатации открывалось фразой: «Пожалуйста, никогда не прикасайтесь к работающему комбайну мокрыми руками».

Надежда пренебрегла правилами безопасности. И хотя тысячи хозяек ежедневно хватаются отнюдь не сухими ладонями за различные агрегаты, призванные облегчить их тяжелый труд, не повезло именно ей. Судьба, или карма, как теперь принято говорить.

Молча разглядывая витрины магазинчиков, я приближалась к метро. Может быть, и вправду кто-то на небесах управляет нашими судьбами? Один человек несется в самолет, отталкивая пытающихся удержать его сотрудников аэропорта, и попадает в катастрофу, а другой опаздывает, не может поймать такси, приезжает в аэропорт тогда, когда стальная птица уже взмыла в небо и с

жуткой скоростью летит навстречу своей гибели… Почему один погибает, а другой спасается? Накануне выхода в море подлодки «Курск» у одного из матросов случился приступ аппендицита, ночью, за несколько часов до погружения. Его спешно отправили в госпиталь, а место заболевшего занял другой, такой же девятнадцатилетний парень. Отчего господь решил спасти одного и убить другого? Нет ответа. Рок, карма, судьба…

Внезапно мои глаза наткнулись на черную майку с надписью «Афины».

– Давно такими торгуете? – спросила я у продавщицы.

– С мая, – улыбнулась та, – ловко, да?

– Что ловко?

– Да хозяин придумал, смотри, – она обвела рукой витрины, – молодежь в основном берет, девчонки молодые, для понта. Все есть: «Париж», «Лондон», «Анталия», «Кипр»… На любой вкус.

– Понт-то в чем? – тихо спросила я, чувствуя, как начинает биться сердце.

– У молодых денег на отдых нет, – засмеялась торгашка, – а признаваться всем, что отпуск в Москве просидела или у бабки в деревне на огороде ковырялась, неохота. Ну не престижно! Теперь принято в компаниях рассказывать не сколько зарабатываешь, а где отдыхаешь… Вот ребята, в основном девчонки, конечно, автозагар купят, обмажутся и мои маечки прибарахлят. На сувениры. Стоит-то копейки. Ну и раздают приятелям. Мол, глядите, в Турции была или на Кипре и тебе подарочек сгоношила, маечку.

«Так вот откуда взялась обновка у Нины», – молнией пронеслась в моей голове мысль.

В полном отупении я вошла в метро, села в вагон, поезд стоял. Надо же, не включила мотор! Я полезла в сумочку, достала ключи от зажигания, и в этот момент раздался металлический голос: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Водный стадион».

Осторожно поглядывая на пассажиров, я спрятала ключи в карман. Ну и дура! Сначала забыла, что приехала на машине, и теперь моя «копейка» тоскует на чужой улице, так еще решила завести поезд метро. Придется возвращаться назад.

Глава 6

К дому я подрулила, когда стемнело. Мое место для парковки было занято пожарной машиной, и пришлось оставить «жигуленок» в соседнем дворе. Подходя к дому, я задрала голову. В наших окнах плескалась ночь. В общем, это неудивительно. Кирюшка придет в десять, а Лиза в четверть одиннадцатого.

В лифте отчего-то стоял противный запах гари. Чем выше кабина поднималась к нашему этажу, тем сильнее несло паленым. Причем это был какой-то химический «аромат». Сгоревшие пироги, мясо или каша благоухают по-другому. Наконец кабина остановилась на седьмом. Я выскочила на площадку и ахнула.

Все не слишком большое пространство лестничной клетки было занято пожарными – крепкими молодыми парнями в оранжевых комбинезонах и касках. Двое из них быстро и ловко махали какими-то железными палками, остальные разматывали брезентовую ленту.

Две квартиры на этаже принадлежат нам с Катюшей. Несколько лет тому назад Сережка женился на соседке Юлечке из двухкомнатной. Они быстренько разбили стенку и сделали отличные апартаменты. В однокомнатную недавно въехал Володя. Зато в «двушке» проживает местное несчастье – алкоголичка по прозвищу Копейка. Днем она толкается у метро, собирая у ларьков бутылки, вечером вместе с компанией таких же опустившихся людей горланит песни. За стеной у нас частенько вспыхивают драки, и тогда я вызываю милицию. Но ничего поделать с Копейкой никто не может. Лиц, нарушающих общественный порядок, из Москвы давно не выселяют, считается, что это попирает их гражданские права. Интересно, а кто будет охранять гражданские права жильцов нашего подъезда, регулярно подскакивающих в своих квартирах, когда Копейка в три утра распахивает дверь своей квартиры и орет дурниной:

– Пошли все на…

Больше всего я боюсь, что она уснет в кровати с тлеющей сигаретой, и мы все сгорим. И вот, кажется, дождалась.

– А ну, ребята, поднажмите, – велел мужик лет сорока, – вам чего, дама?

– Домой хочу пройти, моя дверь как раз впритык к той, что вы ломаете.

– Из сорок второй, что ли?

– Нет, я живу в сорок первой, – похолодев, ответила я.

– Эй, ребята, стопорь, – заорал мужик, – хозяйка пришла, ключи есть?

Трясущимися от ужаса руками я начала тыкать в замочную скважину, из которой валил синий дым. Боже, горит наша квартира. Мои животные!

Дверь распахнулась. Из коридора вылетел клуб синего дыма. Непонятно откуда появившиеся баба Зина, председатель кооператива Саша и бухгалтерша Лена заохали. Пожарные ринулись внутрь, я за ними.

На кухне на включенной плите мирно стоял абсолютно целый прозрачный чайничек. Воды в нем не было, а на дне вовсю кипели остатки красной пластмассовой крышечки, источавшие жуткие миазмы. Один из пожарных потушил огонь.

– Что же вы, дама, так и сгореть можно!

Я только открывала и закрывала рот. Отчаянно чихающие собаки сбились у моих ног, кошки выли на верхних полках, жаба Гертруда опустилась на самое дно аквариума и тяжело дышала.

– Горим! – заорал Кирюшка, врываясь прямо в уличных ботинках на кухню. – Лизка, хватай собак, эвакуация!

– Никто не горит, – ответил один из пожарных, по виду старше всех, – слава богу, обошлось! Где сесть можно?

– Вот тут, на стульчике, – засуетилась я.

– Окна откройте, – велел другой парень и, сняв каску, спросил: – Попить дадите?

– Вам чай или кофе? – обрадовалась я. – А что мне будет за вызов? Какой штраф?

– Просто воды налейте, – ответил брандмайор, – ничего не будет, по делу вызывали. – И приказал подчиненным: – Ступайте, парни, на лестницу.

– Ой, все интересное пропустил, – заныл Кирюшка, – пожара не увидел.

– Ну и скажи спасибо, что так, – буркнуло начальство, лихорадочно заполняя какие-то бумаги, – ничего хорошего в огне нет.

– А это что? – спросил Кирюшка, тыча пальцем в какой-то странный, вытянутый предмет.

– Пенный огнетушитель.

– Зачем он?

– Огонь гасить.

– А почему не водой?

– Слушай, парень, – не вытерпел брандмайор, – не видишь, я документ оформляю, сделай милость, не мешай.

– Вижу, – радостно ответил Кирюшка.

У него замечательный характер – ровный, открытый и приветливый. Он почти всегда пребывает в великолепном настроении и моментально находит контакт с посторонними людьми. Одна беда: господь отсыпал ему чересчур много любопытства!

– Вижу, – повторил Кирюшка и глянул через плечо пожарного. – А вы неправильно пишете.

– Где? – удивился мужик.

– Здесь, – радостно ответил мальчик, – смотрите, вот на этой строчке: «очаг возгарания».

– Ну и что, так у нас принято…

– Так «возгорание», – пояснил Кирка. – Корень гар-гор, мы в пятом классе проходили.

– Ну, ты прям Лобачевский, – недовольно ответил майор, – никто не замечал никогда.

– А Лобачевский был математик, – встряла Лиза, – великий, но к русскому языку отношения не имел.

– Раз такие умные, – вскипел начальник, – чего тогда чайник не выключаете? А?

Я хотела было сказать, что дети к этому инциденту непричастны, но Кирюшка опять спросил:

– А как этот огнетушитель работает?

– Просто.

– В электричество включается?

– Нет.

– Где его включают?

– Кнопка наверху.

– Какая? Их там две.

– Правая.

– От вас или от меня?

– Правая она и есть правая, – цедил пожарный.

– Эта, – продолжал Кирюшка, – да? Эта? Ну скажите!

– Какая? – безнадежно спросил майор.

И тут мальчик ткнул пальцем в красную пупочку. Вмиг из небольшого раструба на самом верху огнетушителя послышалось угрожающее ворчание, и через мгновение из отверстия забила толстая струя пены.

– Блин! – заорал майор, кидаясь к агрегату.

Не тут-то было. Наши толстенькие мопсихи, напуганные до полусмерти всем происходящим, тихо сидели, прижавшись друг к другу. Очевидно, у майора дома не было животных, потому что мы, прежде чем шагнуть, машинально смотрим под ноги. Но пожарный бросился вперед не задумываясь. Правая ступня его зацепилась за Аду, левая – за Мулю. Взмахнув руками, с воплем он рухнул между столом и мойкой. Огнетушитель вертелся в разные стороны, плюясь белыми, пухлыми кусками пены.

Баба Зина заорала как ненормальная и выскочила в коридор.

– Как его выключать? – завопила я, подбираясь к баллону.

… – ответил майор.

– Кнопка, – заверещал Кирюшка, – кнопка, Лизка, нажми скорей сверху!

Девочка ловко выполнила приказ, но огнетушитель не послушался. Раструб неожиданно повернулся на сто восемьдесят градусов, и не успела я опомниться,

как противно воняющая масса залепила мне нос, рот и глаза. Так что наблюдать за происходящим я больше не могла, слышала только разнообразные звуки: беспрестанный мат брандмайора, нервное поскуливание мопсих, надрывное мяуканье кошек, нечленораздельное мычание, которое издавали баба Зина и председатель Саша, звяканье, топот, фырканье, стук, потом все перекрыл громовой вопль:

– Растуды твою, блин, Николай Евгеньевич, чего стряслось?

– …Мишка, – возвестил майор, – …и… и… Больше сказать нечего.

– Лампа, – заорал Кирюшка, – утрите ей морду!

Я открыла рот, чтобы сделать ему замечание, и даже начала:

– Не морду, а… – Но тут пена заползла в рот, и я чуть не скончалась от омерзительного вкуса.

– Пошли, Лампуша, – сказала Лизавета и потянула меня за руку, – давай, умывайся.

Зажурчала вода, кое-как я смыла с лица отчего-то жирную, липкую кашу и наконец-то сумела разлепить веки. Перед глазами предстало дивное зрелище. Когда-то, страшно давно, мама читала мне книжку про эскимосов. Больше всего детское сознание поразила картинка, изображавшая внутренность дома северных жителей. До сих пор помню, что он называется красивым, загадочным словом «иглу». Так вот, наверное, чтобы потрясти детскую душу до основания, живописец изобразил небольшую комнату, где все предметы были сделаны из льда и снега – кровати, стол, стулья, даже газовая плитка. Естественно, такое нереально, а небось на самом деле в иглу висит закопченный горшок над огнем, но цель была достигнута. С замиранием сердца я разглядывала картинки и страстно мечтала оказаться там, внутри. Теперь мне была предоставлена такая возможность.

Вся кухня была покрыта толстым белым слоем отвратительно воняющей субстанции. Когда пожарные, синие от злости, наконец ушли, волоча за собой пустой огнетушитель, я вздохнула.

– Боже, это же целую ночь отмывать!

– Здорово хлестало, – в полном восторге запрыгал Кирюшка, – совершенно офигенно, эх, жаль, Лешка Королев не увидел. Он-то все хвастался, что у них дома батарею зимой прорвало, но мой огнетушитель покруче будет!

Я сунула ему в руки тряпку.

– Начинай!

– Да, – моментально загудел Кирюшка, – почему всегда я?

– Ты на кнопку нажал!

– А ты чайник забыла!

Признав правильность данного замечания, я взяла другую тряпку и предложила:

– Давай вместе, быстрее справимся.

– Ага, – зудел Кирюшка, – мы будем тут все мыть, а Лизка отдыхать!

– Вовсе нет.

– Где она?

– Слышишь, идет по коридору?

Топот приближался, и в кухню влетела соседка Копейка, как всегда, в подпитии и, как всегда, с сигаретой в руке.

– Вона, блин, какая штука! – в полном восторге хлопнула она себя руками по бедрам. – Ну и ну! А все ко мне приставали, ругались! «Смотри, Виктория, сгоришь!» И чего вышло? Сами чуть весь дом не спалили, вроде ты, Лампа, баба приличная, завсегда трезвая, ну и как у тебя такое вышло?

– Откуда ты узнала про сгоревший чайник? – поинтересовалась я, размазывая скользкую пену по столу.

– Тоже секрет нашла, – хмыкнула Вика, обдавая меня водочным амбрэ, – баба Зина уже всему нашему дому растрепала, теперь в одиннадцатом, ну, в том, где булочная, людям рассказывает.

– Шла бы ты домой, Виктория, – каменным от злости голосом отчеканила я, – чего тут интересного?!

– Да ладно тебе, по-соседски заглянула, ох и грязи! Всю ночь проколупаешься. Да не так надо! – проорала Вика.

Она схватила веник, мигом смела белые клочья в ведро и сообщила:

– Тряпкой только развозюкаешь. Дай на бутылку пятьдесят рублей, мигом порядок наведу.

– Бери, – протянула я ей голубую бумажку.

Вика все убрала с такой скоростью, словно обладала, как богиня Кали, десятком рук.

– За пятьдесят рублей, – обиженно сказал Кирюшка, – я бы тоже так бы носился.

После дождливого дня неожиданно наступил душный влажный вечер, а потом такая же ночь. Я никак не могла заснуть, в открытое окно вплывал густой, горячий воздух, под одеялом было отвратительно жарко, а без него холодно. Я сходила в ванную, вытащила из шкафа банную простыню и укрылась ею. Телу стало лучше, но голова совершенно не собиралась засыпать, в мозгу кипели мысли, и чем больше я думала, тем меньше становилась понятной история, приключившаяся с Володей.

Ну ладно, предположим, с ним случился острый приступ идиотии, и мужик, убив и оставив в квартире кучу следов, в багажнике нож, преспокойненько отправился домой. Но Надежда Колесникова! За каким чертом она сказала Костину, что замужем! Насколько я знаю, женщины обычно поступают как раз

наоборот, врут случайным любовникам, что совершенно свободны. Оно и понятно, никому не охота убегать голым от разъяренного супруга. И эта непонятная ложь про отпуск… Ну зачем ей было врать подруге про поездку? Отчего она не рассказала про Володю? Как правило, молоденькие девушки любят похвастаться кавалерами, а майор, хоть и старше девицы почти в два раза, выглядит очень даже ничего: высокий, светловолосый… К тому же он балагур, ловко играет на гитаре и с удовольствием рассказывает абсолютно неправдивые, зато невероятно веселые случаи из милицейской жизни. Володя вмиг становился душой любой компании, и он не стал бы бить женщину, даже изменницу. Во-первых, он слишком галантен и воспитан, а во-вторых, дамы падают к его ногам, как срезанные ромашки, и он не слишком-то горюет, разбежавшись с очередной пассией. Все, абсолютно все в этой истории выглядело нелепо. И в довершение – смерть Надежды. Кончина единственного человека, способного подтвердить алиби майора. Конечно, Колесникова и впрямь могла погибнуть в результате бытовой травмы. Но как странно она себя вела! Сотрудникам милиции сообщила, что и слыхом не слыхивала про Костина, а потом зачем-то приехала ко мне, оставила записку… Интересно, вопрос о чьей жизни или смерти волновал ее? Володиной или своей? И зачем ей понадобилась я?

Ни на один вопрос не нашлось ответа, и я заснула под утро, так и не зная, как поступить.

Едва стрелка будильника подобралась к семи, как я схватила трубку и набрала домашний номер Рожкова.

– Да, – ответил сонный, недовольный голос его жены Ларисы, – кто это в такую рань?

Славка и Ларка перманентно находятся в странных отношениях. Иногда у них начинается бурная любовь, и месяц-другой они друг в друге души не чают, но потом мгновенно переходят в стадию ненависти, начинают швыряться предметами, и жена сваливает в квартиру к матери. Детей у Рожковых нет, поэтому они могут до посинения закатывать друг другу истерики. Каких только гадостей не говорит Лариска про Славку. Он и жмот, и негодяй, и импотент, и дурак, и бабник… Валит все вместе, в одну кучу. Ну как, скажите на милость, человек с отсутствием потенции может быть ловеласом? Но Ларису подобные нестыковки не смущают, и в Рожкова летят кастрюли с дерьмом. Но сегодня, похоже, у них опять совет да любовь, потому что Ларка пребывала в семь утра в

своей квартире.

– Славу позови, – велела я.

– Кто это такой наглый, – завела Лара, – что это значит – «Славу позови»! Кто говорит?

– Да это я, Лампа.

– А, – поутихла Лариска, – нет его.

– И куда подевался?

– К бабке моей поехал, картошку копать.

– Зачем?

– Затем, что старуха одна не может по полю с лопатой бегать, – вызверилась Лариса, – между прочим, ей скоро девяносто стукнет. Зимой всем нравится вкусную картошечку жракать, не магазинную гнилушку, а свою, рассыпчатую. Да с огурчиком, с грибочками. Бабка у меня не жадная, навертит консервов и раздает всем, но сколько можно у ней на горбу ехать? Я Славке так и сказала: езжай, помогай бабульке, перекопай все, в погреб спустись да возьми сколько хошь… И он…

– Когда вернется? – перебила я ее страстный монолог.

– Ну… Как сделает, дней через пять-шесть, ему отпуск неделю дали.

– Интересно, почему он мне ничего не сказал?

– А мы только позавчера помирились, – пояснила Лариса, – он и сам не знал. Только тут Николай Кошехин в Москву прикатил, телевизор покупать, ну, я с ним вчера в деревню Славку и отправила. И назад его Колька припрет, а то с мешками…

– Так у него же своя машина есть!

– Сломалась, зараза, во дворе кукует, а тебе чего надо?

– Ничего, – ответила я и отсоединилась.

До четырех дня я старательно разворачивала карамельки, сигареты, бульонные кубики и пересыпала в простые, прозрачные мешочки кофе, сахар, чай и какао, наконец, кое-как доперев сумку до машины, поехала на Новослободскую улицу.

Во дворе не оказалось ни одного человека. Отдуваясь, я заволокла бело-красный баул на второй этаж и попросила у дежурной:

– Наберите вот этот номерок, Алексея Федоровича позовите!

Девушка окинула меня оценивающим взглядом, но не стала спорить, а завертела диск. Минут через десять появился мужик. Сегодня он был еще более мрачным, чем вчера. Увидав меня, потную, растрепанную, возле гигантской, словно беременной, сумки, он сердито сдвинул брови и грозно поинтересовался:

– Ну? Еще чего надо?

Испуганная таким приемом, я залепетала:

– Тут, в общем, Слава Рожков обещал, продукты… Сто долларов есть!

Алексей Федорович побагровел, быстро глянул в сторону дежурной, потом легко, словно дамскую сумочку, подхватил тринадцатикилограммовую торбу и велел:

– Двигайте вниз, ох уж эти родственники! Все перепутают, передачи в подвале принимают.

Во дворе он грохнул сумку на землю и прошипел:

– С дуба упала, да?

– Нет, – растерялась я, – а что?

– А то, дурья башка, что явилась с сумкой и про баксы орешь при свидетелях, совсем головы нет? Вроде Славка говорил, ты нормальная!

– Простите, – пролепетала я, – я в первый раз, больше это не повторится, уж поверьте. Возьмите баульчик, там все как надо, ничего противозаконного, а тут денежка.

– Пошла ты на… со своими деньгами, – спокойно ответил мужик.

Я раскрыла рот.

– Для Володи я и так все сделаю, – пояснил мент, – мы с ним лет десять знакомы, отличный он парень, и дело одно было, за которое я ему по гроб жизни благодарен. Только продукты не возьму.

– Но почему?

– Его увезли.

– Куда?!

– В больницу.

– Что случилось? – спросила я, чувствуя, как слабеют ноги.

– Сердце схватило ночью, похоже на инфаркт. Хорошо хоть сокамерники зашумели. Успели его до врача живым донести, но сейчас положение крайне тяжелое, отправили в «Матросскую тишину».

– Куда?

– В другое СИЗО, на улицу Матросская Тишина.

– Почему? – плохо слушающимися губами спросила я.

– Там большая больница, со сложными случаями всегда туда отвозят, наши врачи в Бутырке не справляются, коли дело плохо.

– А что, так плохо?

– Нехорошо, – вздохнул тюремщик, – честно говоря, я боялся, что живым не доедет. Уж и не знаю, что дальше делать станут. Могут в 21-ю больницу перевести.

– Зачем?

– Там специальных два этажа имеется, – вздохнул Алексей Федорович, – оно, может, и лучше для Володи туда попасть, специалисты понадежнее и лекарств побольше, чем в Матроске. Только все эти переезды в машине инфарктнику ни к чему…

– Отчего же его сразу в 21-ю не отправили?

– Не положено, сначала в Матросскую надо.

– Идиоты!!

– Таковы правила.

– Что же мне теперь делать? – растерянно спросила я.

– Забирайте домой харчи, позвоню вам, давайте телефон.

Я продиктовала номер и взглянула на сумку, где лежали любовно купленные и аккуратно запакованные продукты. Ей-богу, не могу тащить передачу назад, несмотря на то, что потратила на нее кучу денег…

– Послушайте, Алексей Федорович, в тюрьме ведь есть такие люди, которым ничего не присылают?

– Полным-полно.

– Ну вот, возьмите и отдайте одному из них.

– Вы что, – уставился на меня тюремщик, – это ж сколько вы деньжищ убухали…

– Пожалуйста, – устало сказала я, – очень прошу, просто я не смогу внести этот баул назад в квартиру.

Глава 7

Прибыв около семи домой, я рухнула на диван и мигом провалилась в сон – тяжелый, какой-то беспросветно-черный… Вытащил меня из объятий Морфея звонок в дверь. На плохо слушающихся ногах я добралась до прихожей и, не посмотрев в «глазок», распахнула дверь. Крик застрял в горле.

На лестничной клетке стоял Володя. Отчего-то голый, вернее, без костюма, замотанный в белую простыню, что-то типа национальной одежды индийских женщин – так выглядел его наряд. Лицо майора было бледным, волосы побриты, на голове – терновый венец.

– Володечка, – прошептала я, протягивая руку, – ты откуда?

– Оттуда, – печально ответил приятель, не разлепляя бескровных губ.

– Вовочка, где твои волосы?

– Их уничтожили, Лампа.

– Господи, что на тебе намотано?

– Тут это носят, дорогая.

Я почувствовала, что сейчас потеряю сознание, и попыталась обнять приятеля, шагнула на лестницу, но майор быстро отступил назад.

– Не подходи ко мне, милая, прощай.

– Володя! – заорала я. – Володя! Стой, погоди, ты куда?..

– Так надо, Лампуша, – тихо произнес друг и пошел по ступенькам вниз.

Я смотрела, как он плывет над лестницей, не касаясь ее ногами. Сознание начало мутиться. Внезапно Костин стал исчезать. Сначала растаяла нижняя часть тела, потом грудь, ноги… Осталась одна голова в терновом венце… Вдруг она легко обернулась, и прозвучал до боли знакомый, чуть хрипловатый голос:

– Лампуша, прости за все, люблю вас, прощайте и помогите тем, кто любит меня.

– Володя! – завизжала я и кинулась за ним.

Но мягкие ноги подломились в коленях, я не удержалась и влетела в окно, пробив стекло, земля понеслась мне навстречу, в ушах раздавался несмолкаемый звон… Я закричала и… открыла глаза. Господи, это был сон! Взгляд нашарил будильник: восемь вечера. Липкими от пота руками я потерла голову. Раздался резкий звук. Кто-то нажимал на дверной звонок.

В полном ужасе, еле-еле передвигая ногами, я добралась до двери и глянула в «глазок». На лестнице стояла молодая, симпатичная, но чрезмерно полная женщина. Я распахнула дверь и увидела, что она не толстая, а просто беременная, месяце на девятом, не меньше.

– Простите за беспокойство, – вежливо сказала девушка.

Она была очень хорошенькой и очень молодой. Уж не знаю, исполнилось ли ей восемнадцать. Пухлые щеки покрывал персиковый румянец, огромные карие глаза просто лучились, красиво изогнутые губы улыбались, а на плечи падали темные блестящие волосы, без слов говорящие: их хозяйка не только молода, но и здорова.

– Простите, – повторила незваная гостья, – не знаете, куда подевался ваш сосед Володя из сорок второй квартиры? Звоню, звоню – и никого нет.

– Зачем он вам? – настороженно спросила я.

Девушка замялась.

– Ну, в общем, понимаете, я жду от него ребенка… Письмо отправила, он обещал встретить на вокзале 10 сентября, я хочу в Москве рожать… Но тут такой случай вышел, что пришлось пораньше приехать. Уж извините, он, наверное, на работе… Можно у вас посидеть?

Проглотив стоящий в горле комок, я пробормотала:

– Конечно, входите, Володя – наш лучший друг, можно сказать, брат. Только его внезапно отправили в командировку надолго.

– Ой, – воскликнула женщина, – что же делать? У меня в Москве никого нет!

– Заходите, – окончательно опомнилась я, – ужинать будете?

– С удовольствием, – ответила незнакомка и покраснела: – У меня с деньгами беда, думала, Володя поможет.

На кухне я положила ей на тарелку зажаренную в сухарях куриную грудку и кабачки. Девушка действительно была жутко голодна. Вмиг проглотив угощение, она повеселела и сказала:

– Давайте знакомиться, Ксюша.

– Лампа, – ответила я и спросила: – Где вы познакомились с Володей? Он нам ничего не рассказывал!

Произнеся последнюю фразу, я тяжело вздохнула. Похоже, что после случая с «Оружейной палатой» майор вообще перестал делиться с нами своими амурными приключениями.

Ксения заулыбалась и бесхитростно вывалила мне историю своей встречи с Костиным.

Увидели они друг друга в ноябре прошлого года. Володя отдыхал в небольшом пансионате на Оке, а Ксюша работала там официанткой.

– Володя такой замечательный, – тарахтела девушка, – красивый, веселый, на гитаре играет, истории всякие рассказывает.

Словом, она не устояла и, хоть была мужней женой, кинулась в омут прелюбодеяния.

– Мой муж-то еще тот кадр, – сообщила Ксюша, – пил и пьет, просто водопровод водочный, нажрется – и драться… А мать его целыми днями меня пилила: «Это ты виновата, у хорошей жены муж алкоголиком не станет».

В общем, за два года такой, с позволения сказать, семейной жизни Ксюша не испытала ни разу радости: ни моральной, ни физической. Обожравшийся горячительными напитками муженек по полгода не притрагивался к молодой жене, а когда все же ложился с ней в койку, проделывал все настолько больно и грубо, что бедная Ксюша потом долго плакала от унижения.

Володя был совсем иным: нежным, ласковым и непьющим. Двадцать четыре дня пролетели как один, пятнадцатого декабря любовник уехал в Москву. Ни о каких дальнейших отношениях речь не шла, Ксюша понимала, что строить планы не стоит, и была рада, что в ее жизни случился этот безумный месяц. Другим и такого счастья не выпадает.

В начале января Ксюша поняла, что беременна, причем именно от Володи. «Любимый» муж в последний раз навещал жену аж в августе. До мая жизнь шла как прежде. Но после майских праздников свекровь, окинув тяжелым взглядом слегка располневшую фигуру невестки, поинтересовалась:

– С чего тебя разнесло, а? Ну-ка отвечай, шельма!

Разразился дикий скандал, и Ксюше пришлось убегать из дома ночью, в одной ночной рубашке. Хорошо, подруга пустила на постой… Ни родственников, ни собственной жилплощади у Ксюши нет. Замуж она выскочила почти сразу после школы, вернее, после детского дома. И свекровь с мужем постоянно обзывали ее голодранкой, нищенкой и приютской кошкой.

Почти все лето Ксюша моталась по друзьям, живя по очереди то в одном месте, то в другом… Но в середине августа стало понятно, что больше так продолжаться не может. Поколебавшись, она написала Володе, собственно говоря, ни на что не надеясь. Ответ пришел неожиданно быстро. Он писал, что всегда хотел иметь детей и до сих пор вспоминает дни, проведенные с Ксюшей. Словом, самым невероятным образом жизнь начинала поворачиваться к Ксении светлой стороной. Договорились, что она прибудет в Москву десятого сентября, но неожиданно один из знакомых поехал в столицу на своем автомобиле, и Ксюша, решив сэкономить, напросилась с ним. Адрес Володи она знала, добравшись и предвкушая сюрприз, принялась звонить в дверь.

– А куда он уехал? – поинтересовалась она в конце своего рассказа.

Я замялась. Ну и положение, хуже губернаторского! Володя ничего мне не рассказывал про Ксению. Но каков Дон Жуан! В декабре крутил роман с девчонкой, потом почти одновременно завел шашни с какой-то Репниной, да и в августе, уже зная, что со дня на день должна прибыть беременная от него женщина, ухитрился закадрить в магазине Надю. Хотя говорят, что некоторые мужики накануне свадьбы обязательно устраивают мальчишник, на который зовут девиц легкого поведения, прощаются, так сказать, с холостой жизнью. Наверное, поэтому в Вовкиной судьбе появилась Колесникова. Последний всплеск перед началом семейной жизни. Но как объяснить все это беременной Ксюше? Не могу же я рассказать ей про тюрьму, Репнину и Надю!

– Володю отправили… э… в Воркуту!

– Зачем?

– Ну, по работе, подробностей не знаю.

– Он телефон не оставил?

– Да нет, – начала я вдохновенно врать, – он не в самой Воркуте, а в оленеводческом колхозе, в тундре… Ну как туда дозвониться!

– Что его в тундру понесло? – изумилась Ксения.

Я обозлилась на себя за идиотские выдумки и слишком резко ответила:

– Понятия не имею…

– Но… – начала было Ксюша, но тут открылась дверь, вернулись с занятий английского языка Лиза и Кирюшка…

Ночь я опять провела без сна. Мало того что Володя в тюрьме, хватило бы с лихвой одного этого несчастья, так нет, еще умудрился заболеть… А тут в придачу Ксюша с огромным животом… Ох, недаром говорят, что неприятности имеют обыкновение ходить кучно…

Не успели дети убежать в школу, как раздался телефонный звонок. Строгий мужской голос произнес:

– Позовите Евлампию.

– Слушаю.

– Это Леша.

– Кто? – удивилась я.

– Алексей Федорович, – поправился собеседник.

– Ой, подождите, – обрадовалась я и, прикрыв трубку рукой, осторожно приоткрыла дверь в Ксюшину спальню, увидела, что она безмятежно спит, одетая в Лизину ночнушку, сказала: – Да, слушаю.

– Нам надо поговорить.

– Слушаю.

– Не по телефону.

– Что-то случилось?

– Все при встрече, – не пошел на контакт тюремщик, – через час у метро «Менделеевская», сможете?

– Постараюсь, – ответила я и кинулась одеваться.

Когда, запыхавшись, я выскочила из подземного перехода, Алексей уже стоял возле небольшого летнего кафе.

– Иди сюда, – перейдя на «ты», сказал он и втолкнул меня внутрь желто-синего шатра, – садись и слушай.

Я покорно замерла на белом пластиковом стуле.

Алексей потер широкой ладонью лоб, потом немедленно достал из кармана фляжку, плеснул в стаканчик коричневую жидкость и велел:

– Пей.

– Спасибо, я не люблю алкоголь, а уж с утра тем более.

– Давай!

– Но…

– Глотай!

Пришлось подчиниться. Горячая, прямо раскаленная струя пронеслась по пищеводу и рухнула в желудок. Мигом закружилась голова.

– Что случилось? – с трудом ворочая языком, спросила я.

Алексей внимательно посмотрел на меня.

– Ты замужем?

– Нет.

– Любишь Володю?

– Да, но только как друга.

– Он тебе не любовник?

– Нет и никогда не был, – ответила я и тут же обозлилась: – Что, в конце концов, происходит, какая тебе разница, кто…

– Костин умер вчера, – ответил Алексей.

На минуту мне показалось, что я ослепла. В кафе потемнело.

– Как умер?

– Скончался.

Неожиданно я спросила:

– В восемь вечера, да? Все случилось именно в двадцать ноль-ноль?

– А ты откуда знаешь? – удивился тюремщик. – Точно, ровнехонько в этот час.

– Он приходил ко мне, – прошептала я, чувствуя, как глаза словно засыпает пеплом, – весь белый, в простыне… Инфаркт, да?

– Сначала решили, что сердце, – вздохнул Алексей, – а потом оказалась какая-то зараза жуткая, вирусная… непонятно что… Теперь никакого суда над ним не будет…

Я плохо помню, как добралась до дома. Вообще не знаю, на чем ехала, вроде взяла такси… Во всяком случае, кто-то меня привез и даже проводил до дверей квартиры… Дальше полный провал. Кажется, суетились Кирюшка и Лиза, хотя откуда бы им взяться, дети были в школе. Затем из тумана возник врач, в руку

впилась игла… Последнее, что помню, нервное урчание кошки Пингвы, пытавшейся устроиться у меня на груди.

Яркое солнце ударило в глаза, я села и увидела в другом углу комнаты спящего прямо на полу Кирюшку.

– Эй, Кирка, что случилось?

Мальчик подскочил ко мне.

– Лампа? Нет, это ты расскажи… Пришли домой и видим: ты лежишь на диване, вся в слезах… Спрашиваем – не отвечаешь, только головой трясешь! Пришлось врача вызывать, он тебе снотворное вкатил, так ты на двое суток отрубилась. Прикинь, сегодня понедельник!

В ту же секунду я вспомнила все. Володя! Слезы хлынули из глаз потоком.

– Лампуша! – совсем перепугался Кирюшка. – Ты опять потеряла кошелек со всеми деньгами? Ну, не убивайся так, ерунда!

– Хорошо, – пробормотала я и побежала в ванную.

На веревках висело отстиранное белье. Открутив кран, я начала плескать на себя ледяную воду, потом уставилась в зеркало.

Стекло отразило блестящую физиономию с черными синяками и заострившимся носом. Да уж, краше в гроб кладут. Гроб! Кто будет хоронить Володю, у него нет родственников. Как рассказать обо всем детям, а главное, Ксюше? Она беременна, и такой стресс может повредить не только ей, но и ребенку… Как вообще поступить?

Вода текла, я смотрела на пузырящуюся струю. Наконец в голове созрело решение. До Ксюшиного разрешения от бремени осталось небось дней десять, не больше. Пусть спокойно отправится в родильный дом, да и потом недели две ей совершенно не нужны стрессы… Затем, естественно, я открою правду, но пока никому ничего не сообщу – ни ребятам, ни Ксении… А там посмотрим, как жизнь повернется…

Примерно полгода назад Володя пришел ко мне в комнату и положил на стол какую-то бумагу.

– Что это? – удивилась я, увидев, что листок украшают печати.

– Завещание.

– Зачем? Что за блажь тебе пришла в голову!

– Знаешь, Лампа, – вздохнул майор, – человек я одинокий, родственников никого, вдруг чего случится, квартира государству отойдет. А при наличии этой бумаженции вам достанется. Все-таки двое подрастают, пригодится жилплощадь!

– Ничего не случится, – разозлилась я, – и потом, тебе и сорока нет, еще женишься, ну кто заводит разговоры о кончине в таком юном возрасте!

– Если найду жену, – хмыкнул приятель, – мигом перепишу завещание, а насчет смерти… Всякое при моей работе случается!

Теперь мы поселим в его квартире Ксюшу и новорожденного… Думаю, Володька остался бы доволен таким решением… И, конечно, ни я, ни Катя никогда не бросим эту несчастную, так и не успевшую стать законной супругой Костина.

– Лампа, – заорал Кирюшка, – немедленно открой дверь, слышишь, сейчас же отвори, иначе взломаю!

Я высунулась в коридор.

– Чего тебе?

– Почему заперлась?

– Ну не мыться же мне с распахнутой дверью!

– Именно так и мойся.

– Но я хочу душ принять.

– Ну и что? Подумаешь, что я, голую женщину не видел? – отмахнулся Кирюшка.

– Да? – удивилась я. – И где же?

Мальчик со вздохом посмотрел на меня.

– Лампа, в любом киоске продается «Плейбой», там бабы во всех видах.

– Ну я-то не настолько молода и хороша, как фотомодели, потому предпочитаю совершать омовение без свидетелей!

– Чего ты ревешь?

– Кошелек потеряла со всеми деньгами!

– Тьфу, – в сердцах сплюнул Кирюшка, – ну, ты даешь! Так убиваться из-за идиотских бумажек.

– Без этих, как ты выражаешься, бумажек нам никто ничего не даст, даже батончик хлеба, – парировала я, вытирая лицо.

– Погоди, – сказал Кирка и умчался.

Через две минуты он принесся, держа в руках кошелек.

– На, тут три тысячи.

– Откуда так много?

– На хорошие ролики собираю, они триста долларов стоят. Забери и трать, только не плачь больше. И у Лизы деньги есть, правда, меньше, всего тысяча.

– Кстати, где Лизавета?

– В школе.

– А ты почему дома?

– Интересное дело, – воскликнул Кирка, – побоялся оставить тебя в таком состоянии.

Я взяла копилку, поставила ее на кухне, включила чайник и позвала собак на прогулку.

Глава 8

В почтовом ящике белели номера «Московского комсомольца». Дети не вынимали без меня прессу. Я не слишком люблю это издание, но Лизе и Кирюшке газета нравится. Пока собаки, радуясь солнечному утру, носились по двору, я раскрыла газету, вышедшую в день смерти майора, глянула на третью полосу и чуть не потеряла сознание. Через всю страницу шла «шапка» – «Мент позорный». Статья была о Володе Костине.

«Простые люди, столкнувшись с криминалом, боятся обратиться в милицию. Впрочем, я их понимаю, ведь в кабинете на стуле, облаченный в форму, может сидеть «мент позорный», такой, как майор Владимир Костин», – так бодро начинался материал. Строчки дышали ненавистью и источали яд. Достаточно подробно была описана ситуация с Софьей Репниной, но это еще полбеды. Некий корреспондент Константин Ребров сообщал откровенно лживые, гнусные факты, от которых у простых читателей волосы должны были встать дыбом по всему телу. Майор Костин брал огромные взятки, прикрывал за деньги дела, сажал за решетку невинных, бедных людей и вызволял из СИЗО бандитов. «Откуда у простого сотрудника МВД деньги на новую квартиру в элитном районе? – вопрошал Ребров. – Четыре комнаты дорого стоят, даже на окраине. К тому же квартира шикарно обставлена, а в подземном гараже стоит джип. Знаете, сколько стоит такая машинка? Нет? Тогда сообщу – ровнехонько зарплату сотрудника милиции за десять лет. Может, конечно, господин Костин не ел, не пил, не одевался, а копил деньги на джип, но что-то мешает мне поверить в это. Уж не знаю, где майор взял бешеную сумму, но твердо уверен в другом: именно из-за таких, как Владимир Костин, сотрудников милиции зовут «ментами

позорными», а районные отделения – «легавками».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/kankan-na-pominkah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити